

Мансуров Андрей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Под игом чудовищ. Возмездие

Тёмное фэнтези

Андрей Арсланович Мансуров

Под игом чудовищ. Возмездие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43653615

SelfPub; 2019

Аннотация

Завершающая часть трилогии. Чудовища получают по заслугам. Но чего это будет стоить тем, кто ведёт с ними борьбу? Какими жертвами обернётся кровопролитная непримиримая война? И положит ли смерть мерзавцев и убийц конец проблемам Тарсии и её правителей?..Содержит нецензурную брань.

Содержание

Главнокомандующий	4
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Главнокомандующий

Понять, что сейчас думает и чувствует лорд Говард, было невозможно.

Потому что он, словно бы и слушая её рассказ, и глядя в то же время на необозримые просторы заснеженной равнины, сохранял на лице абсолютно каменное выражение. Казалось, он даже не моргает. А скрещённые на груди руки в перчатках придавали его неподвижной фигуре вид надменно-задумчивой мраморной статуи – в такой же позе там, в Клауде, стояло в царской усыпальнице изваяние прапрадеда сира Вателя, короля Роберта-строителя.

Леди Наина зябко ёжилась – она скакала сюда пять часов, и сейчас, здесь, на крыше редута, в котором лорд Главнокомандующий разместил полевой Штаб, холод глубокой зимней ночи, особо ощутимый из-за порывов свирепого ветра, проникал даже сквозь шерстяной нательный свитер, тёплый камзол, армейские штаны, и двое мужских шерстяных подштанников, которые она предусмотрительно надела под платье перед выездом. Поскольку имела случай убедиться, что скакать верхом в январские морозы куда как холодно. Однако она понимала, что их беседу уж точно никто посторонний не должен слышать. Поэтому сама и предложила воспользоваться крышей редута, который лорд Главнокомандующий

превратил в подобие стандартного барака Армии, умудрившись даже словно бы привнести в его интерьер что-то от родных казарм – и не только запах, неизменно сопровождающий огромное скопление проживающих вместе половозрелых и вымуштрованных мужиков: пот, конская упряжь, сапоги, дым от печей...

Рассказ ей пришлось начать с самого начала: со своего «коварно-циничного» и жестокого плана устранения дерзкой конкурентки-выскочки. Она знала: если будет не полностью откровенна, или ограничится недомолвками, или – что совсем уж глупо! – попытается соврать, у лорда Говарда наверняка появятся сомнения и вопросы: умный же! Поэтому она рассказывала подробно, обстоятельно. Нарочито неторопливо, чётко выговаривая жёсткие и жестокие слова и определения – «опасная конкурентка», «убить», «гарантировать престолонаследие»... Да и позже, когда перешла к описанию, подробному, точному, и омерзительному, того, что делали уже с ней, старалась рассказывать как бы отрешённо. Но строго придерживаясь фактов, ничего не выделяя тоном, и не пытаясь вызвать к себе жалость.

Просто – план того, что хотела сделать она. И какие меры и способы для этого избрала. И почему они оказались несостоятельными, и не сработали.

И того, что сделали – вернее, двое суток делали! – с ней. На весь подробный – она намеренно выбирала чёткие формулировки, и не скрывала ужасающих и натуралистич-

ных подробностей! – рассказ ушло почти полчаса. И всё это время лорд Говард, выпрямившись, и сохраняя горделивую осанку, стоял рядом, но боком к ней – взор его словно и не двигался по белой целине, простиравшейся у подножия массивного бревенчатого сооружения, а был устремлён в одну точку. Однако леди Наина не сомневалась, что Главнокомандующий слышит и отлично понимает каждое сказанное ей слово. И явно делает себе какие-то выводы.

Вот от этих самых его выводов и будет зависеть судьба королевы. И её детей.

Да и всей страны.

После того, как она закончила, возникла пауза. Лорд Говард молчал и думал.

Повернулся к ней пожилой мужчина медленно. Посмотрел прямо в глаза:

– Ваше Величество. Сказать, что я потрясён до глубины своей, как я думал, очерстевшей и привыкшей к крови, смерти и насилию души – значит ничего не сказать... У меня нет причин сомневаться в ваших словах. Но...

В чём вы видите причину таких омерзительных изменений в... нраве его Величества? И что, по вашему мнению, заставило его *так* поступить?

Она ответила не задумываясь:

– Насчёт причин у меня сомнений нет! Она – в том, что он начитался проклятых мемуаров лорда Юркисса – и хоть он и ваш дядя, менее опасными и гнусными от этого его запис-

ки не стали! Я бы позволила себе высказать личное мнение по этому поводу: у милорда бывшего королевского пленника определённо – талант к красочному, и разжигающему воображение читателя, описанию этого дела. То есть – к изобретению и воплощению в жизнь зверски жестоких пыток, и к извращённому сексу! И тот, кто прочёл бы, невольно захотел бы повторить, или воплотить. Ну а ещё...

Она запнулась было на мгновение. Но заставила себя продолжить, снова стараясь говорить так, как думала, ничего не приукрашивая и не скрывая:

– Другая важная причина в том, что он был, разумеется, зол на меня. И не без оснований, как вы могли понять. Должна признать честно: я приложила все усилия, чтоб взять на душу грех по устранению и опасной конкурентки, и абсолютно ни в чём не виноватого капитана Айвена.

А вот что заставило его Величество *так* поступить...

Думаю, вернее будет сказать – кто!

И вы не хуже меня знаете человека, спровоцировавшего его на то, что произошло: я не сомневаюсь, что это именно она порекомендовала организовать всё так, чтоб все пыточные приспособления оказались «на месте», и никто в замке не видел и не слышал того, что они творили со мной. (Ну правильно: ни к чему ронять «королевское величие» и «достоинство»!) И уж тем более – знать, *на что* способно его Величество.

Мотивы же этой... женщины, – она удержала рвущееся на

уста слово «твари!», – понять нетрудно.

А вот почему он позволил своей любовнице мучить меня... Затрудняюсь сказать.

Он – король. Что хочет, то и делает! Неподсуден суду простых смертных – помазанник же Божий!

– Но ведь были времена – я это отлично помню! – когда он и любил вас, и уважал, и... Первые года два он вообще не сводил с вас глаз! И все придворные, там, при дворе, видели, что взор у него буквально пылал страстью – ну, как у романтического юноши!

– Да, было и такое, – она раздражённо дёрнула плечом, – он в первые годы и правда – относился ко мне, как к жемчужине в его короне. Подарки, турниры, пиры в мою честь. Восхваления от бардов в виде од, баллад, и романсов... После рождения первенца он даже подарил мне кольцо с изумрудами, то, широкое, помните? Которое обошлось чуть не в половину нашего годового бюджета, и которое месяца три изготавливали лучшие ювелиры Лории. Потом же...

Потом всё у нас пошло... – она закусил губу, поскольку непрощенные воспоминанья снова словно встали перед глазами, – Не так. Может быть, это произошло от того, что я хотела понадёжней обеспечить это самое с...аное престолонаследие, и старалась почаще рожать. Ну, и, естественно, в такие периоды отказывала ему. В интимной близости. Чтоб не навредить плоду. А он, как вы знаете, не из тех мужчин, кого подобное положение дел устраивало бы. Вот и стали у

него появляться дамы типа леди Ясмин, и леди Бьянки...

А в моей спальне сир Ватель появлялся лишь когда узнавал о том, что я готова снова забеременеть. Приходил, исполнял... Хм-м. Супружеский долг. После чего бежал, словно от зачумлённой. – она сжала челюсти, но заставила себя снова взглянуть в глаза лорда Главнокомандующего, и продолжить, – Видите, лорд Говард? Я дошла – а вернее, меня довели! – до того, что обсуждаю подробности нашей с его Величеством постельной жизни с вами, которому, если честно, все эти скандалы и грязное бельё вовсе ни к чему!

Лорд Говард на этот выпад промолчал, просто пошевелив кустистыми усами.

Леди Наина продолжила сама, смахнув с ресницы замёрзшую непрошенную слезинку, в голосе – она не стала её скрывать! – прозвучала горечь:

– Ну а любить... Любить-то он меня после рождения Александра особо уже и не любил. Я не слепая, и не идиотка: прекрасно понимала: не он один такой. А все сюзерены, что его предки, что монархи соседних стран, так устроены. Это – самая суть их менталитета и мировоззрения: когда натешился вдоволь новой красивой игрушкой, и получил от неё кроме прилагаемого удовольствия ещё и наследников для преемственности династии, можно просто... Забыть о ней! Предоставить самой себе, и воспитанию этих самых отпрысков-наследников. И встречаться только на официальных раутах – например, церемониях представления новых послов.

Или приёма венценосных особ... Ну и так далее.

А самому – тешиться с новой. Или новыми. Дамами сердца, души... Ну и всего остального, чего там положено тешить молодому и здоровому кобелю! Охота, война, секс с очередной фавориткой – разве не в этом смысл жизни человека, не подконтрольному никому, кроме своего желудка, тщеславия, члена, и Бога?! – она почувствовала, что в лицо невольно бросилась кровь, а в голосе прорезались и злость и отчаяние, и поспешила вернуться к «нормальному», деловито-нейтральному, тону:

– Прошу прощения, лорд Говард. Я... Теперь иногда становлюсь излишне... Эмоциональна. Похоже, ещё не совсем пришла в себя после... Хм.

Я, кажется, остановилась на том, что Король с большой буквы – он ведь по определению не обязан никому – ничем. И отчёта в своих действиях не даёт никому, кроме Господа Бога нашего. Так что все эти чисто мужские удовольствия – вообще без каких-либо ограничений, и ответственности за свои поступки. Свобода делать что хочешь, когда хочешь, и с кем хочешь. Море удовольствий, и – никаких, вот именно, обязательств!

Она видела, что лорда Говарда коробит от цинично, и без прикрас выложенной ею сути жизни монархов, и ещё – что он удивлён той степенью трезвости оценки ситуации и цинизма, что выказала только что его королева. Но одно дело – общие, так сказать, теоретические, раскладки. А другое –

реальные поступки вполне конкретного монарха.

Его короля!

– Значит, вы полагаете, ваше Величество, что он хотел выбить из вас признание?

– Вот уж нет! – она почувствовала, как снова вспыхнуло лицо, и подумала, что хорошо, что мрак зимней ночи скрыл это от её собеседника, – Моё «признание» было ему уже фактически не нужно – ведь он уже знал про результаты допросов цыган. И раскопанные могилы нанятых мной профессиональных убийц! Он, зная мою «гордую» натуру, отлично всё понимал. Что я скорее умру, чем в чём-нибудь этаким признаюсь! Ведь тогда – конец и мне, и моим... Детям! Недостойным венца. Раз от *такой* матери.

Не-ет, он желал именно – поглумиться, поунижать, и помучить меня! Причём – не лично. А руками моей злейшей врагини! Очень поднаторевшей в смысле подготовки к пыткам и их проведению. И желавшей проверить кое-какие свои придумки – лично.

На практике.

И, разумеется, он хотел, чтоб в конце всех этих адских мук я сдохла, – она намеренно использовала сейчас это грубое простонародное слово, чтоб подчеркнуть истинный смысл произошедшего, – Сдохла, осознавая неизбежность такого финала, и невозможность ничего с этим фактом поделать... И он основал бы новую семью.

Уже с новой королевой. И её наследниками.

Лорд Говард раздумчиво покивал:

– Да, такой вывод напрашивается сам собой. Но всё же...

Я не понимаю.

Почему, почему он взял на себя роль... Пусть и не палача, но – руководителя палача?! Вернее – палачихи. Почему он хотел, как вы говорите – поунижать и помучить вас, а не пошёл законным путём? Ведь были же и свидетели, и улики? Почему не стал, скажем, судить? Вполне законно и официально. Ведь можно не сомневаться: все доказательства у него имелись! (Хотя, я, разумеется, понимаю: королевский суд – это процесс долгий.)

Леди Наина ответила после паузы, во время которой едва сдержалась, чтоб не заорать в лицо пожилого ветерана: «Потому что хотел насладиться моими страданиями, возбудиться от них, так, чтоб член звенел, и трахнутья покруче с этой с-сучкой!». Но сдержаться удалось. Она ответила спокойно:

– Вот именно. Долгий. А ему хотелось побыстрее решить все вопросы со мной. Окончательно и радикально. Чтоб не возникало даже возможности сохранить мне жизнь, заточив в подземельях Клауда. И просто избежать таким образом проблем с разводом...

– Ну а тогда почему просто – *сразу* не убил?!

Почему поступился королевским достоинством, и наплевал на часть, совесть, и элементарную порядочность?! Ведь то, что он сделал... Вот именно – недостойно?!

– Не знаю, милорд, особенно не задумывалась. Впрочем,

нет, – поспешила она поправиться, – это неправда. Задумывалась. Но тут могу опереться лишь на свои догадки, – она снова невесело усмехнулась, – И домыслы. Вероятно, его Величество так и не простили мне мой гордый и независимый нрав. И те отказы... Во время беременностей. Но...

Но были, как мне кажется, и кое-какие внешние, дополнительные, факторы.

Может быть, тут сыграло роль и то, что сир Ватель знал, что эту самую Машину для *таких же точно целей* использовал и лорд Хлодгар. Для пыток, истязаний, необузданного развратного секса, убийства, и последующего многократного оживления леди Евы. А уж конкретная, «проверенная», «инструкция» по применению всех этих орудий, и способов «выбивания признаний» от лорда Юркисса у сира Вателя уже имелась. Проработанная добросовестно и скрупулёзно. И не только им. И – явно не один раз.

Возможно, впрочем, что на эту мысль, насчёт пыток, его Величество набрело всё же не совсем само. А его незаметно, исподволь, подтолкнули к ней. И вы, милорд, повторюсь, несомненно знаете, кто.

– Да уж. Леди Рашель никогда не вызывала у меня особых симпатий.

– У меня тоже. Но мне пришлось довольствоваться той унижительной ролью, что его Величество предложил мне. Быть третьей в их дуэте. Превратив его в трио.

– Кстати, простите, леди, мой абсолютно неподобающий

джентльмену вопрос. – ветеран десятков сражений закусил губу и на чело набежала тень. Было видно, что ему стоит огромных усилий говорить на такую щекотливую тему, но в то же время он, как реалист, и правда хочет выяснить: почему?! – *Почему?!*

– Почему согласилась? Хм-м... Доводов много. Но главный – так я всегда могла быть в курсе того, что эти двое замышляют. Контролировать, так сказать, ситуацию. Да и... – она замялась, но решила идти до конца, раз уж взялась говорить «правду», – Мужская ласка нужна иногда и мне.

– Простите, ваше Величество. Мне очень жаль. Я стар, и считал, что некоторые вопросы могу задавать тем, кто вдвое моложе меня. Но вам – я просто не имел права такой...

– Ах, перестаньте, лорд Говард. Мне отлично понятно желание такого *трезво* мыслящего и умудрённого, как это принято называть, опытом, мужчины, разобраться в *причинах*. Произошедшего. И я не вижу смысла что-либо скрывать от вас – пусть это не только факты, но и мои домыслы. Как вы, наверное, обратили внимание, после четырёх полноценно *прочувствованных* мной смертей, моё мировоззрение несколько... Изменилось.

И я теперь совсем иначе воспринимаю жизнь. Во всех её проявлениях. Что важно, и что несущественно. Что допустимо, а что – нет.

И иначе отношусь к тем вопросам, что раньше вызвали бы у меня гнев или возмущение. Их неуместностью, или нетак-

тичностью. А кроме того...

А кроме того, мы сейчас говорим о тех изменениях, что произошли с характером и личностью *нашего короля*. И обсуждаем не более и не менее, как вопрос – достойна ли такая, подправленная Машиной и любовницей, то есть – и физически и нравственно! – личность, управлять королевством.

Ведь это – и наше с вами королевство! И здесь между нами, милорд Главнокомандующий, не должно быть недомолвок, сомнений или подозрений. Я знаю, что вы очень умны. И наблюдательны. – она подняла руку, пресекая его попытки что-то на это замечание возразить, – И вы сразу почувствовали бы здесь, вот *этим*, – она положила руку ему на сердце, – если б я сказала вам неправду. Или позволила себе выдумать что-либо такое, чего бы не случилось на самом деле.

– Я уже сказал, ваше Величество, что верю вам. – он смотрел ей прямо в глаза.

– Да, сказали, лорд Говард. Но одно дело – согласиться разумом, – она указала глазами на его каску, – А другое – прочувствовать *здесь*. – руку с его сердца она убирать не спешила. Потому что ощущала его частое и беспокойное биение даже сквозь толстую материю камзола. Взволновала, стало быть, она достойнейшего ветерана своим рассказом. Если назвать это состояние столь мягким словом. Только бы не случилось у него удара...

– Я... – лицо лорда Говарда вспыхнуло, затем побледнело, словно ей и правда удалось воочию показать ему карти-

ну своих страданий, и она скорее почувствовала, чем увидела это в кромешной тьме беззвёздной ночи, – Думаю, что прочувствовал, ваше Величество. И могу вам сказать следующее.

Наш монарх проявил себя недостойным этого высокого звания человеком. Вернее – не человеком, а – чудовищем!

Когда помазанник Божий идёт против своего народа, своих детей, королевы, чести, совести, и потворствует, или сам совершает гнусные преступления, подавая этим отвратительнейший пример своим подданным, и давая материал для пересудов и гнусных толков всему миру, он не достоин сидеть на троне. И должен быть низложен!

Ваше Величество. Вы можете полностью мной располагать. И рассчитывать на всемерную поддержку – как мою, так и вверенного мне воинского контингента!

Что бы там ни придумал и постановил Конклав – *вы* – моя законная королева.

Она закусила губу, но одинокая слеза всё же снова скатилась по щеке, застывая на остывшей коже в узкую блестящую дорожку. Совладать с голосом было легче, и он почти не дрожал, когда она сказала:

– Я благодарна вам, лорд Говард. Вы – настоящий патриот и достойнейший Главнокомандующий. Тот человек, на которого Государство, униженная королева, и наследники трона могут рассчитывать в трудные для них минуты!

– Я всецело в распоряжении вашего Величества! Прика-

зывают!

– Отлично. Вот мой первый приказ: спустимся вниз, и для начала отогреемся! А то я уже ни ног ни рук не чувствую!

Когда они уже подошли к люку, ведущему вниз, и её Величество уже приняло поданную лордом Главнокомандующим руку, она всё же не удержалась:

– Скажите, лорд Говард... Почему вы сказали, что леди Маргарет вам сразу не понравилась?

Лорд Говард не колебался ни секунды:

– Потому что она – рыжая. И это её натуральный цвет, не крашенный. А рыжие женщины – они все себе на уме. Ну, или – ведьмы.

Леди Наине удалось удержать рот от того, чтоб он открылся.

Если столь высокородный, столь много повидавший, и достаточно прагматичный мужчина подвержен нелепым простонародным суевериям – пускай себе!

Пока он толкует эти суеверия в её пользу.

На четвёртый день после отбытия роты капитана Долдера леди Рашель забеспокоилась по-настоящему. Лёжа в не столь удобной, как в почти родном Клауде постели, и глядя, как в окна прорисовывается серый зимний рассвет, она даже начала кусать губы.

Потому что ещё большие основания для беспокойства вызывал тот факт, что так и не вернулся с ответом курьер, по-

сланный вчера с приказом к лорду Главнокомандующему. Проявилось её беспокойство в том, что она наконец разбудила того, кто делил с ней ложе – весьма чувствительным тычком остренького локтя в бок:

– Милый! Изволь проснуться. Похоже, у нас проблемы.

– Да? – его Величество, прекратив похрапывать, но не поднимая головы с подушки, изволило разлепить один мутный и подёрнутый поволокой от вчерашних обильных возлияний и постельных подвигов, глаз, – Это какие же, солнышко моё?

– Я не верю, что столь опытный и дисциплинированный профессионал, как капитан Долдер мог позабыть регулярно отсылать курьеров, чтоб информировать ваше Величество о ходе операции по поимке и аресту леди Наины. И я не верю, что милорд Главнокомандующий целую ночь посвятил сборам, вместо того, чтоб сразу же исполнить ваше приказание немедленно прибыть сюда, в Эксельсиор. Ну, или хотя бы прислать письменный ответ на ваш приказ. А поскольку нас никто не будит, чтоб немедленно доложить, как было велено, о его прибытии, значит этого и не произошло.

Следовательно, что-то случилось.

– Хм-м... – его Величество, продолжая пребывать в неге утренней полудрёмы, чуть приподнялся на локте, чтоб удобней было лицезреть, как его прелестная и молодая любовница, теперь выбравшаяся из постели наружу, в уютное тепло небольшой и хорошо натопленной комнаты, в которой

они обустроили себе спальню, крутит своим прелестным и молодым задом. Обтягивая, оглаживая, чуть приподнимая, чтоб открыть пикантные бёдра, и снова разглаживая полупрозрачную батистовую нижнюю рубашу на своём теле, красуясь перед большим зеркалом – самым лучшим, что нашлось в замке, и которое трое сопящих от напряжения – тяжёлое! – солдата интендантского взвода перевесили сюда два дня назад по его приказу, – А что, собственно, могло бы случиться с ротой моих элитных гвардейцев? Которые – вот именно! – профессионалы?

– Что могло? Да много чего. Например, ваша дражайшая супруга, эта живучая и упрямая тварь, могла бы быть вовсе не так напугана, как мы думали. И не бросилась, схватив детей, фамильные драгоценности, и поджав хвост и трепеща, спастись, словно крыса в нору, в эмиграцию куда-нибудь в Карпадос, или Парассию, или ещё дальше. А могла бы, к примеру, окопаться в том же Клауде. Предварительно заручившись поддержкой Конклава. Для чего объявила бы вас самозванцем, подменённым чёртовой Машиной. А себя – регентшей при вашем пока несовершеннолетнем наследнике! И ждать ей – недолго. Карлу уже тринадцать!

– Ну и вариант! – его Величество изволило фыркнуть, и раздражённо дёрнуть плечом, – Да как же она смогла бы додуматься до такого?!

– Она бы смогла. Запросто. Ведь она очень умна. Расчётлива. И очень зла. На нас. – леди Маргарет вернулась к по-

стели, и присела на её краешке, – И изобретательна. И если у неё нашлась бы во время бешеной скачки минута (А их, я думаю, нашлось вполне достаточно!) для размышлений, она наверняка легко бы вычислила, что именно так она смогла бы нанести вашему Величеству (Ну и мне, разумеется!) наибольший вред. Объявив вас, вот именно – подменённым, и, следовательно, незаконным, монархом. Самозванцем. Да и в любом случае, раз ваше Величество вопреки постановлениям и запретам Конклава воспользовались преданным анафеме механистическим устройством древних, уже одно это является прекрасным поводом, чтоб низложить вас на вполне законной основе. Или даже казнить – как еретика.

– Бред! Уж кого тогда бы нужно было объявить самозванкой и «подменённой» – так это как раз леди Наину. Ведь это она побывала в чёртовой Машине пять раз!

– Думаю, даже вы, ваше Величество, легко догадаетесь, что трубить об этом на всех перекрёстках она не станет. И сейчас, если только я права, вы – объявлены Конклавом до очного рассмотрения вашего дела Церковным Трибуналом – самозванцем, лишённым фактической власти. До, вот именно – подробнейшего выяснения всех обстоятельств на суде. А я – пособницей дьявола! Спровоцировавшей вас, сир, на поступки, не соответствующие чести, и не совместимые с менталитетом Монарха!

– Но как же тогда быть с лордом Долдером? Ведь он-то должен был нам об этом сообщить!

– Должен. Всё верно. А раз не сообщил, следовательно – не может. То есть, скорее всего он – мёртв. Иначе он нашёл бы способ вот именно – сообщить.

– Чёрт! Но... Как же нам узнать? Про то, что там, в столице, и Клауде, происходит на самом деле? Может, послать ещё кого?

– Чтоб и его убили? Или арестовали? Нет уж. Незачем позволять этой дряни лишать нас преданных слуг. И солдат. Они нам очень даже скоро понадобятся.

– Но для чего?

Она не удостоили его ответом, подкатив глаза к потолку, и выгнув изящной дугой брови. Его Величество быстро понял бессмысленность вопроса – солдаты нужны лишь для одного. Чтоб сражаться. За него.

– С чего бы нам об этом беспокоиться? Ведь мы можем рассчитывать на дивизию генерала Жореса, да и всю остальную нашу армию. Расквартированную в редутах.

– Вот-вот, и я о том же. Ни на какую «армию», милый, похоже, мы рассчитывать уже не можем!

– Это ещё почему?!

– Сам догадаешься, или объяснить?

Его Величество изволили нахмуриться. Леди Маргарет кивнула:

– Вот именно. Курьера мы отправили вчера ещё до завтрака. До редутков езды – часов семь. А галопом – так и вообще пять. И столько же – обратно. Плюс самое большее полчаса –

на письменный ответ или рапорт лорда Говарда. Курьер должен был доложить ещё вчера. Поздним вечером. Или сегодня – утром. Но он не доложил. Следовательно – не прибыл. Следовательно, его задержали и арестовали. Как пособника. А лорд Говард должен был прибыть согласно вашим указаниям немедленно. То есть – сегодня с утра. Что с учётом его положения и возраста допускает езду пусть не галопом, но – рысью. То есть, ещё часа два назад – *ранним* утром. Следовательно, он никуда и не отправлялся.

Перевербовала, стало быть, его эта стерва!

Судя по поджатым и прикушенным изнутри губам и нахмуренным бровям ситуация в целом перестала нравиться сиру Вателю. И он уже посерьёзневшим голосом спросил:

– Твои раскладки выглядят... Логично. Но что же нам теперь делать, солнце моё?

– Что делать, что делать... Вызвать, например, сюда генерала Жореса. И приказать ему немедленно выдвигаться со всей армией к Клауду, в обход редутов, где сейчас расквартирована армия. Чтоб арестовать наконец наглуго самозванку, называющуюся вашей супругой. А если та не сдастся добровольно – так и осадить этот самый Клауд!

– Но дорогая!.. Ведь если предположить, что её Величеству удастся, а вернее, по твоей версии, уже удалось обмануть и переманить на свою сторону руководство Конклава, гарнизон королевской крепости, и резервные полки, и они сейчас вот именно – обороняют Клауд... И если она уже

действительно, как ты выразилась, «перевербовала» и самого лорда Главнокомандующего... нам ведь придётся... Это же...

Гражданская война!

– Похоже, что так, милый. Но... Когда это ты – избегал сражений?! Пусть даже воевать придётся не с врагом, а с твоими, обманутыми наглой тварью, согражданами!

– Нет, погоди-ка... – с его Величества слетели последние остатки сладкой полудрёмы, и он сел на постели, – Ведь нам сейчас воевать со своими же – никак нельзя! Пусть лорд Хлодгар и побеждён и скрылся в последнем, отдалённом, оплоте, но он – не уничтожен окончательно! То есть – нам рано или поздно придётся снова отбиваться от его легионов! А если мы за это время сами перебьём часть своей же, пусть и отложившейся, армии, у нас просто не хватит на это сил! И людей! И, не хочу тебя расстраивать, но если лорд Говард и правда – больше не с нами, то боюсь, как бы не перебили нас! То есть – так называемую дивизию генерала Жореса!

– А почему бы нам на эти жертвы не пойти, если они позволят достать и разделаться наконец с мерзавкой Наиной?!

– Нет, постой. Наина-то она конечно, Наина... И разделаться окончательно хотелось бы. Но ведь то, что мы сделали с ней самой... и то, что собираемся сделать с Государством, объявив *пока* признаваемой законной, королеве – войну – две совершенно разные вещи. Там, в подвале, четыре дня назад, мы пытались сломить и унижить набившую мне оско-

мину норовистую гордячку. И расквитаться за твои кровавые и опасные приключения и страдания. А здесь – погибнут сотни, а, возможно и тысячи ни в чём не повинных людей! Солдат и офицеров. А я всё-таки – их король! И не хотел бы, чтоб мой же народ проклинал меня за братоубийственную войну! И потерянных сынов, мужей и отцов!

– Верно, милый. Ты – король. И я вполне понимаю твоё нежелание подвергать опасности жизни тех, кого, по-идее, тебе нужно всячески защищать и оберегать. Твоих с...ных подданных. – она злобно прищурилась, и он понял, что она просто иронизирует. И на самом деле ей глубоко плевать на жизни этих самых подданных. Как, вероятно, и на его. Особенно, если его лишат титула законного Короля. Но тут она, словно прочтя его мысли, поспешила придать лицу вновь невинно-ангельское выражение, и продолжить:

– Тогда как тебе такой план, любимый: мы проходим ещё по разу через Машину, с тем, чтоб радикально поменять свою внешность. И удаляемся в добровольное изгнание. Например, в Карпадос. И живём там в виде частных лиц, неузнанными, до конца жизни. Наблюдая, как её Величество управляет вашей страной от лица вашего сына. Фактически выполняя ту же роль, что до этого играла ваша мать – светлая ей память!

– Чёрт! Этот вариант мне нравится ещё меньше!.. – на явную издёвку в голосе при упоминании его матери сир Ватель решил внимания не обращать, – Но с другой стороны, как

крайнее средство... – он покачал головой, – Но почему мы столь серьёзно обсуждаем то, что только *могло* случиться? Ведь не веришь же ты, в самом деле, что эта дрянь могла и правда – так поступить?!

– Мы обсуждаем этот вариант как самый худший из всего, что могло бы случиться такого, чтоб объяснить долгое отсутствие самого капитана Долдера, или вестей от него. И неприбытие вашего посланника с ответом. И самого лорда Говарда, несмотря на ваш прямой и категорический приказ. Ну а если это отсутствие, что вестей, что лорда Главнокомандующего, объясняется какими-либо иными причинами, я первая буду радоваться, прыгать до потолка, и хлопать в ладоши от счастья. Но зная вашу супругу не понаслышке, я несколько не сомневаюсь в том, что она именно так и поступит. Вернее – уже поступила.

Более того: я сейчас задним умом понимаю, что не отправить *сразу* к милорду Главнокомандующему гонца с вашим приказом немедленно прибыть в Эксельсиор, в ваше распоряжение, тоже было ошибкой. Причём – очень большой ошибкой. Но мы слишком... – она прикусила губу, и он понял, что она собиралась сказать что-то типа «слишком увлеклись необузданным сексом!». Но вовремя передумала, – Мы посчитали тогда, если вспомните, что чем меньше лорд Говард будет знать о произошедшем – тем лучше. А сейчас я практически *уверена* в том, что леди Наина уже навестила нашего милого старичка. И перевербовала. Причём

– очень быстро.

Просто рассказав *всё*.

– Что?! Ты думаешь, у неё хватило бы?!.. – его Величество задохнулся, не договорив. Но потом решился, – То есть она ему – всё?!..

– То есть – она поведала сентиментальному и глубоко порядочному и ранимому, и до корней волос патриотично настроенному старичку печальную повесть о том, как её, такую добродетельную, милую и наивную, приказал истязать, пытать, и многократно убивать жестокий монстр. В которого превратилось ваше Величество после того, как побывало в чёртовой, как вы любите говорить, Машине! Поддавшись на уговоры и провокации со стороны своей бесстыжей любовницы. И повелевший после пыток ещё и окончательно убить её. И сжечь.

С тем, чтоб потом вступить в законный брак с той, которая обманом втёрлась к нему в доверие. И которая спит и видит, как бы стать королевой, и увидеть своих отпрысков на троне Тарсии!

– Ты и правда считаешь...

– Да. Мы непозволительно расслабились. И утратили чувство реальности. Позволили «бурной страсти» захлестнуть нас полностью... Вместо того, чтоб заняться вначале насущными проблемами. А её Величество, похоже, времени не теряла. И наверняка сейчас на нас всё ещё зла. Нет, не так: она – чертовски зла. И жаждет отмщенья. А это всегда усиливает

мыслительные способности сильных женщин – знаю по себе, любимой.

– И все эти выводы ты сделала лишь на основе...

– Да. Того факта, что от педанта и преданного служаки лорда Долдера до сих пор нет вестей. И твой вестник, а за ним – и лорд Говард, не прибыли. Ну и, разумеется, опираясь на *своё* знание нрава её королевского Величества.

– Так – что? Проводим заседание малого Штаба, и отправляем генерала Жореса с моим приказом к лорду Говарду? Или – осаждать Клауд?

– Нет, милый. Мы с этими приказами непозволительно опоздали.

И если отдадим их, добьёмся только того, что милого, преданного, хоть и несколько туповатого, генерала просто арестуют. Как государственного изменника. Как и все подразделения, что мы пошлём с ним. Лорд Говард уже наверняка не на нашей стороне. Ведь он – человек чести. И явно поймёт, что её Величество рассказало ему *правду*.

И, следовательно, его король – жалкая и лишённая собственного «я», и воли, марионетка в руках кровожадной властолюбивой стервы. Пешка, попавшая под дурное влияние расчетливой охотницы за короной. Похотливый кобель, поступивший недостойно суверена, и пошедший на поводу своего ...! – леди изволили встать перед ним, и самым бесстыжим образом задрать ночную рубаху так, чтоб видно оказалось всё великолепносексепильное поджарое тело.

А ещё леди Рашель позволила себе широко раздвинуть ноги, и словно бы сунуть в нос сиру Вателю то, что и «сподвигло» его естество «пойти», – Опозоривший родовое имя и запятнавший королевскую честь. И что служить такому суверену – значит опозорить и своё родовое имя. И герб. Ну, и всё остальное, что там можно опозорить! Нашу придворно-этикетную демагогию ты знаешь лучше меня. – леди опустила рубаху. Как ни странно, но сейчас вид её «прелестей» не вызвал у его Величества ответной реакции. Из чего нетрудно было сделать вывод. Что он и правда – сильно обеспокоен.

Его Величество, сжимавшее, так, что было слышно скрип крепких зубов, челюсть после каждой фразы этой утрированно страстной речи, произносимой с напускной экспрессией издевательским тоном, и то красневшее, то бледневшее, но молчавшее, подняло наконец глаза от того, что «сподвигло», и подола рубахи, на лицо любовницы:

– Значит тогда получается, что у нас попросту... Уже и нет никакого выхода?!

– Почему же? Есть. Как я тебе уже говорила – заберёмся в Машину, да изменим насколько возможно свою внешность! Там есть специальные рукоятки – я смотрела! – чтоб менять форму глаз, губ, носа, рта, ушей – да и всего прочего!

– То, что рукоятки там есть, это просто замечательно, моя прелесть. Но... Ты ничего не забыла? Проклятый колпак не желает закрываться, а красная хрень так и моргает!

– Ничего страшного, любимый. Я долго думала надо все-

ми этими вопросами – всю сегодняшнюю ночь. И, кажется, нашла решение. Там есть одна большая штуковина, как бы дверь, над которой так и написано: «Люк для загрузки исходного материала».

– Ну так и что? Мало ли где там чего написано?

– Нет, не мало, беспечный ты мой. Дело-то в том, что это – *машина*. А машина не может работать сама по себе: она – не волшебная чудодейственная штуковина, вроде Святого Грааля, или мощей Равноапостольного Иеронима. И для работы ей нужно нечто сугубо материальное, а не «Святой Дух», «подлинная Вера», или даже истовые молитвы.

Первое: электричество. И второе – исходные материалы. Для создания, или ремонта, тел! Ведь как бы не были велики запасы таких расходуемых материалов где-то там, внутри её, при эксплуатации нашей Машины рано или поздно закончатся и они. Поэтому.

Прикажите, ваше Величество, доставить в подвал пару туш. Скажем, свиной. Или баранов. Потому что люк невелик, и туша коровы внутрь, думаю, не пройдёт. Целиком. Ну а рубить её на куски мне лично почему-то уже не хочется.

Его Величество, откинувшись на подушки, и поджав губы, удержал рвущееся на язык замечание о том, что всего каких-то четыре дня назад этот прелестный ротик высказывался как раз в том смысле, что и нарубил бы, и вывернул бы, и прожёт...

Но лучше он промолчит.

Потому что именно с этой, прожжённой и стервозной гадиной, сучкой, явившей ему наконец своё подлинное лицо те же четыре дня назад, ему, похоже, и предстоит коротать оставшийся век.

Приковала. Приворожила. Охомутала. Да как ни назови его теперешнее положение повязанного навечно с расчётливой мерзавкой убийством законной супруги преступника – всё будет правдой!

Ах, если б только она не была так божественно хороша!

Ах, если б только она не была так божественно хороша в постели!..

И ведь и правда – после пыток, когда воочию наблюдал, как уродуют и истязают это столь вожделённое когда-то тело, и после стонов и воплей своей бывшей королевы его Величество так возбудилось, так!.. Всё, что произошло затем, было вот именно – восхитительно! Божественно. Чудесно.

Как не позволить себе после всех этих «подвигов» расслабиться?!..

Вот чему его Величество никогда не мог достойно сопротивляться – так это как раз капризам и желаниям своего королевского «естества»!

Лёжа – а вернее – шевеля задом в попытках устроиться поудобней! – в их узкой походной постели, лорд Дилени сопел. Знал уже – научился! – чуял, что и его прелестная партнёрша не спит. Наконец его прорвало:

– Откуда, откуда этот наивный олух мог *знать*?! Что там эти твари делают с леди Наиной? Ведь он, по его собственным словам, доступа в пыточный – тьфу ты – Машинный! – подвал не имел?!

– Не нужно оскорблять наивного бедолагу. Он – не олух. А вполне себе адекватный и порядочный, чуть ли не хуже тебя, офицер. Человек чести. И, кстати, тоже – добросовестный служака. И если сейчас к чувству долга перед страной добавились и личные, так сказать, мотивы – тем лучше. Он пойдёт до конца. Чтоб отомстить за свою королеву. (Вот кстати: любит он её совсем *не так*, как ты – меня! Ну, это к вопросу о том, что любовь бывает, как ни странно, самых разных сортов, видов, и степеней «погружения»!)

А как знал...

Видел! Хочешь, покажу? А заодно и дам, так сказать, почувствовать?

– Ну... – впрочем, нужно отдать должное храбрости лорда Дилени, колебался он недолго, – Покажи!

– Закрой глаза. Так. Теперь постарайся расслабиться. Мне так легче наводить «образы» непосредственно тебе в мозги, – ему ткнули как обычно остреньким сильным пальчиком в лоб. Лорд честно постарался выполнить приказ.

Вот перед глазами привычная темнота. В ней плывут кое-где разноцветные круги, и стелется мелкая как бы крупа – не то – дождя, не то – просто чёрно-серых точек...

Но что это возникло там, впереди?

Ага – есть! Он изо всех сил сдержал рвущийся на язык вскрик о том, что видит! Но вовремя вспомнил, что нельзя мешать его напарнице – иначе сеанс «показа» может прерваться! И возникший перед внутренним взором тёмный и узкий каменный коридор может исчезнуть. А так – вот он. Видимый явно глазами бедолаги лорда Айвена.

Ну вот. Теперь ему и слышно. Стоны и выкрики. Но это – не совсем стоны и выкрики. И он (То есть – лорд Айвен!) понимает, что слышать их с такого расстояния, и через камни и закрытые толстенные двери уж точно не может! Но – слышит... А что *это*?!

На фоне камней коридора появляется как бы наложенная, нерезкая, и нечёткая картинка – огромный подвал! Потолок испещрён странными белыми как бы... Лампами? Но свет – отличный, и резкость окружающего как бы и наводится, и улучшается... И теперь он куда лучше видит и всё остальное, что находится вокруг!

С трёх сторон лежака, на котором он (А вернее всё же – лорд Айвен!) лежит на спине, чернеют высоченные каменные стены. С четвёртой же – Ага! Эту-то штуку он сразу узнал! – Машина. И то, что лорд Айвен Машины до этого наверняка никогда не видел, не мешает ему понимать, что это. И в чьём сейчас он (А теперь и лорд Дилени!) теле... И кто хлещет его, свирепо скалясь перекошенным от напряжения открытым ртом, и не останавливаясь ни на секунду, огромной тяжёлой плетью – прямо по промежности, и внут-

ренной поверхности бёдер, конвульсивно выдыхая при каждом ударе!

Леди Маргарет. С прилипшими к высокому лбу, и собравшимися в тоненькие пропотевшие хвостики, обычно пышными волосами. В странном костюме – обтягивающем кожаном как бы... Корсете? Нет: этот костюм облегает тело от плеч до бёдер, оставляя видимыми прелестной формы ноги и мускулистые руки – словно они не от женщины!

Но вот начинают прорезаться и другие чувства кроме зрения и слуха: каждый удар начинает отдаваться в мозгу и теле! И с каждой секундой, с каждым ударом – словно сильнее! О-о-о!.. А-а-а! И сил терпеть больше нет!!! Тело в паху буквально горит – будто в печах или котлах преисподней!.. И каждый удар отдаётся в мозгу вспышкой – перед внутренними глазами буквально взрываются петарды!..

Он завозился, замычал, завертел головой.

Внезапно всё пропало.

Его «отпустили».

Лорд позволил себе выдохнуть, и приказал зубам перестать клещать друг о друга.

На груди его вновь возникла восхитительно мягкая и тёплая тяжесть – леди Ева изволила как обычно забраться ему на торс. Её озабоченный взор лучился неподдельным интересом, а голос – ехидством:

– Ну, как тебе?

Лорд снова вздохнул. И выдохнул. Потом нашёл нужным

всё же ответить, прекрасно зная, что если он и промолчит, ответ будет извлечён из пучин его сознания:

– Ужасно. Бедная леди Наина. Я был там, в её теле, не больше пары минут, а уже начинал подумывать, как бы отключиться... Или уж – сдохнуть поскорее.

Спасибо, что вытащила.

– Ну, понял теперь? А вот бедолагу лорда Айвена «вытащить» было некому. Ну, вернее, вытащить-то было кому... Но он, этот «кто-то», пожелал, чтоб погружённый в транс капитан прочувствовал всё «в реале». Так сказать, в режиме текущего процесса!

Единственное, что отличало его ощущения – они были... как бы сформулировать... в десятки раз слабее, чем у самой жертвы – леди Наины. А то сдох бы, вот именно, наш бравый, и поседевший от моральных и физических мук, лорд Айвен. Ну, или спятил.

А в планы того, кто показывал ему это «шоу», смерть или безумие лорда Айвена вовсе не входила. А входило в них совсем другое.

– Да-а?! Просветишь? Кто это... Показывал ему. И при этом ещё и что-то там планировал.

– Запросто. Волшебник Стратфорд.

– Но – как?! – лорд Дилени понял, что почему-то почти не удивлён. Словно уже предчувствовал, предвидел именно такой ответ. Хм. А, может, он тоже... Постепенно учится видеть в голове своей спутницы?

Или – страшная мысль! – она сама пытается его этому научить?!

– Ну-у... – его мысленные «раскладки» леди Ева никак не прокомментировала, – Точно не знаю, но думаю, так же, как сейчас я показала тебе. То есть – образы и ощущения, наведённые прямо в мозг. Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что не я одна тут сильная менталистка. Лорд Стратфорд тоже владеет. И, как видим, ему не мешает то, что между его местом жительства и Эксельсиором – почти тысяча километров. Вот уж – силён, зар-раза...

– Но погоди-ка. Зачем ему – это? Какого чёрта он лезет в конфликт между нами и лордом Хлодгаром? Или – королём и королевой?

– Как – зачем? Тут-то всё как раз элементарно. Лорд Хлодгар – его враг. И он применяет любые способы и средства, чтоб ослабить своего врага. Дальше – вычислить тоже не трудно. Сир Ватель сейчас поглощён только одной идеей – уничтожить свою нынешнюю королеву, и жениться заново. И, соответственно, получить от новой избранницы и новых наследников! Наплевав на какое-то время на непосредственное проведение боевых действий. Или просто воздержавшись от них... И поступает он в данном конкретном случае – подло и недостойно монарха! Таковой не может, следовательно, являться адекватным союзником в совместной войне против лорда Хлодгара. Хотя бы потому, что собственный народ будет его презирать и ненавидеть. При дворе тоже нач-

нутся пересуды, толки, и закулисные интриги... От которых армии толку мало, и вызовут только брожение умов, которое никогда не знаешь, какую мразь к власти в конце концов приведут.

А благодаря избранной (Ну, или тоже – наведённой в мозг. Но так, чтоб она об этом не догадалась!) умной тактике королевы – сира Вателя просто низложат. И ваш Конклав предаст его анафеме. И сожжёт.

Значит, вот и нужно сделать так, чтоб выжила, и правила – законная королева, а имя и честь сира Вателя были опозорены, и он сам – судим, отлучён, низложен и казнён!

А уж со спасённой им чудесным образом королевой волшебник как-нибудь договорится. Указав на то, что именно его стараниями и усилиями она и оказалась спасена!

– А как он это докажет?

– А очень просто. Покажет ей всё то, что показал лорду Айвену, и объяснит, как, и для чего это сделал.

– Значит, говоришь, этот загадочный Стратфорд – тоже менталист? Думаешь, у него, там, на платформе, тоже есть омолаживающая Машина? – лорд Дилени спросил об этом потому, что больше пока ничего путного в голову не шло. Всё изложенное леди Евой казалось и разумным, а теперь и само-собой разумеющимся.

– Не знаю, милый. Возможно, конечно... Но мне почему-то кажется, что он – не человек. Поэтому в «омоложении» не нуждается.

– Что ты такое говоришь?! – лорд Дилени даже завертел автоматически головой, пытаясь понять, не слышал ли кто случайно их полного крамолой разговора.

– Не нервничай – я уже проверила. Никого. Ну а что до того, о чём я говорю... Мне почему-то кажется, что волшебник Стратфорд – и сам – машина. Не совсем, конечно, такая, как та, что ремонтировала меня, леди Наину, и остальных. А то, что Предтечи называли – Искусственный Интеллект. И он сохранился там, на недостижимом и далёком искусственном острове только потому, что воевавшие стороны забыли (Ну, или не смогли!) кинуть туда бомбу.

– Заинтриговала. – лорд Дилени уже отошёл от «непередаваемых ощущений», которые ему только что показали глазами и чувствами лорда Айвена, и мог адекватно соображать, – И почему это эта машина, этот Искусственный Интеллект, позволяет себе вмешиваться в частные дела людей? И даже склонять... Или вынуждать их к каким-то определённым действиям? Какое она, по большому счёту, имеет на это право?!

– Интересный вопрос. Если встречу волшебника Стратфорда лично – непременно спрошу! Но и так нетрудно догадаться, что какими бы ни были мотивы и раскладки уважаемого Стратфорда, «вмешиваться» в дела людей он считает себя вполне вправе! И помешать ему в этом мы, даже если захотим – не сможем. Потому что он, как погляжу, вполне – себе на уме!

А сейчас, милый, давай-ка спать! Моя прелестная штучка, заменяющая нам барометр, термометр, кофейную гущу, и прочие «предсказательные» приборы, говорит о том, что отдохнуть бы надо.

А то завтра уж точно – скучно не будет!

«После того, как я извлёк из «проклятых» развалин свой ларец с подготовленными на «чёрный день» деньгами и драгоценностями, жить стало как-то... Гораздо веселей!

Остановился я, конечно, не в столице, (Не совсем же идиот!) но и не совсем в дыре, где каждая, как говорится, собака друга знает. Расположиться я изволил в находящемся не то, чтоб совсем в упадке, а, скорее, запустении, постоялом дворе на окраине Везгорца, второго по населённости города Тарсии. В тридцати милях к юго-западу от Дробанта. Это вначале. А потом, когда пообтесался – перебрался и в более удобное жильё. Где не мозолил бы глаза ушлому толстяку-трактирщику, и его пронырливым детям.

Ну, что могу сказать. Миленький такой городишко. Тысячи на четыре с половиной жителей. Достаточно мало, чтоб уместиться на площади едва в квадратный километр, огороженный пятиметровыми каменными стенами, и достаточно большой, чтоб не все тут друг друга «знали в лицо». Тем более, что из пригородов да деревень регулярно везут на рынок свежие овощи и муку, и прибывают купцы, скупающие предмет местной гордости – замечательно прочные колёса

для телег. И ободы колёс. И сами телеги. Так что затеряться оказалось нетрудно. Особенно, если имеешь средний рост, простую дешёвую одежду, и оплачиваешь за ночлег вовремя, не буянишь, напившись, в местных трактирах, и не трахаешь местных шлюх прилюдно, давая повод вызвать стражу или полицию. Ну а то, что у меня ускоренная реакция, огромная физическая сила, и невероятная координация движений, я демонстрировать никому не собираюсь.

Разумеется, не может не напрягать состояние некоей лентаргии, которая царит тут в долгие холодные зимние ночи... Невольно начинаешь опасаться, как бы самому не подпасть, не поддаться её пагубно-отупляющему влиянию!

Вот чтоб такого не произошло, и принялся снова «предаваться воспоминаниям», да заодно и дневничок свой – и вести, и восстанавливать. Мой-то, оставшийся там, в подвалах Клауда, скорее всего уже действительно – сожгли. Ну, или передали на «изучение» «экспертам» из Конклава. (Ха-ха!) Но ничего страшного: как уже упоминал, обладаю помимо всего прочего натренированной и фотографической памятью, так что всё, что когда-либо читал, или, тем более – писал, помню превосходно. Буквально – слово в слово.

Кстати: обратил внимание. В «новопочиненном» теле и думается куда быстрее и легче, и нет «непроизводительных» минут по утрам, когда растираешь, разминаешь все суставы и мышцы, только для того, чтоб встать с постели, и начать двигаться по своему подземелью – «хоромам», как однажды

изволили при мне обозначить эти три комнаты его Величество сир Ватель. Который сейчас...

Если верить тому, что я слышал на том же рынке, старательно делая вид, что торгуюсь за какую-нибудь фигню типа нового ножа для метания, или вилок капусты, облажался наш милый монарх по-полной. Конклав объявил его до проведения соответствующего суда – обвиняемым в отступлении от Истинной Веры, Государственной измене, да ещё и покушении на жизнь королевы и наследных принцев. И сейчас дело лишь за тем, чтоб арестовать его согрешившее Величество, да препроводить на этот самый суд. (Вот уж идиллом будет сир Ватель, если позволит себя – !..)

Но думаю, до этого не дойдёт. Скорее, его Величество, сопровождаемый своей юно-прекрасной и подправленной Машиной до умопомрачительной сексапильности избранницей, соблаговолит проследовать в изгнание. Единственная проблема – некуда ему бежать из Эксельсиора. Все дороги в сторону границы с Тарсией перекрыты. А в глубину северной территории, поближе к лорду Хлодгару, особенно после того, как доблестная Армия перебила столько тварей Чёрного Властелина, а его самого загнала на отдалённый остров, бежать сир Ватель и сам поопасается – вряд ли тот примет опального монарха с распростёртыми объятиями.

Скорее уж – постарается получить максимальное удовольствие от ситуации, пытая экс-короля, и регулярно насиловать омоложенную и подправленную леди Рашель.

Есть, однако, у меня смутные догадки, и раскладки того способа и пути, которым наше обо...равшееся Величество могло бы всё же свалить от Правосудия. Ведь подвалы Эксельсиора так никто и не исследовал до конца. Ну, или если кто таки-исследовал – то уж точно не сделал таких выводов, как я.

Вот поэтому мне и придётся вскорости наведаться к любимому Клауду. И чуть подальше – к редутам, и за них...

Да и передать кое-кому из любимых родственничков весточку.»

Лорд Дилени выслушал сообщение леди Евы внешне спокойно.

Однако смысл того, что она ему только что сказала, отнюдь спокойствию духа не способствовал.

Пятьдесят *людей!* Менталистов, естественно. Но – профессионально подготовленных для убийств и диверсий!..

Обученных владению любым людским оружием, экипированным и одетым так, чтоб легко противостоять любым погодным условиям. И любому противнику!

Отряд движется им навстречу, прямо по дороге, и находится пока вне пределов прямой видимости, за поворотами, в тридцати милях к югу. И если б не сверхчувственное восприятие его спутницы-партнёрши, они про этот отряд и не узнали бы!

Впрочем, колебался лорд Дилени недолго:

– Они про нас знают?

– Нет, милый. Или ты опять забыл? Это я у тебя – самая сильная! Нет, не надо, даже мысленно, сравнивать меня с ведьмами. А тем более – чертовками. Мне это неприятно.

– Ну извини. Вырвалось. Мысли же!

– Вот именно. И если б не то, что я знаю, что ты не хотел на самом деле меня обидеть, я могла бы и правда – обидеться. А так... Ты в очередной раз прощён. Но я всё равно сердита – хоть и влюблённая, но ты – свинья!

– Спасибо. – лорд Дилени мысленно хрюкнул, хотя ему ворчание и шуточные «оскорбления» леди Евы, если честно, нравились... Но дело – в первую очередь! Пусть их неспешное возвращение из глубин территории лорда чёрного Властелина и дальше проходит спокойно, и без потерь! – Но что же нам делать с этими диверсантами?

– Как – что? Превратить в трупы, естественно. И сделать это нетрудно. У нас же есть спецрота лорда Бориса! А кто лучше всех приспособлен для схватки с диверсантами? Правильно: другие диверсанты. И будет и правда интересно посмотреть: кто – кого!

Лорд Дилени фыркнул, уже вслух:

– Я сейчас и думаю, и: вот: вслух говорю: что ты вовсе не такая циничная стервозина на самом деле, какой стараешься иногда казаться.

– Спасибо за комплимент, милый. Впрочем, он уже слегка затаскан. Ты меня так уже называл – не упомню, сколько раз.

– Но...

– Но греться об тебя и пользоваться тобой, как соратником и другом, мне это не мешает. Верно. Потому что ты молод, и кровь горячая. Да и привыкла я уже. К тебе.

А сейчас – к делу. Если прикажешь людям лорда лейтенанта расположиться вон в том лесочке, а всем остальным – занять позиции за вон тем холмом, менталисты отряда чёрного Властелина не смогут учуять засаду до того, как в неё попадут. Людей лорда Бориса я снова ментальным щитом прикрою. Видишь, как легко всё получается, когда с тобой «расчётливая гадская змеюка»?

– Я тебя так никогда...

– Знаю. Так меня именует лорд Борис. Но я на него не в претензии. Приятно, когда тебя и твои способности оценивают по достоинству!

Ладно, я приглашу его. А ты – поставишь боевую задачу бравому и истосковавшемуся по «настоящему делу» лорду лейтенанту.

Думаю, пленных взять в любом случае не удастся: эти диверсанты Хлодгара тоже все «обработаны». И даже раненные – прикончат себя сами. Но зато мы извлечём очередную занозу из задницы любимой, как ты выражаешься, армии Тарсии!

Первую тушу два солдата интендантского подразделения загрузили в открытый люк Машины с опаской. И сир Ватель

вполне разделял их чувства: а ну – как оттуда полыхнёт чем-нибудь вроде адского пламени, как из тех штук, что лорд Юркисс обозначил названием «огнёмёты»?! И которыми он сам так воспользоваться и не осмелился, в отличии от леди Рашель, нажавшей-таки клавишу... (Жаль только, что недодержавшей всё же нужного времени... Но кто бы мог предположить, что чёртов лорд Айвен?!..)

Но ничего такого не произошло, и туша просто уехала вниз по широкой и блестящей полированным металлом квадратной в плане трубе куда-то вниз, в темноту.

Ничего не случилось. Красный огонёк продолжал мерцать. Сир Ватель вопросительно посмотрел на леди Маргарет. Она немедленно пришла на помощь:

– Думаю, ваше Величество, нужно поместить туда же вторую тушу, и после этого просто... Закрыть этот люк! Чтoб щёлкнула *его* задвижка!

– Да! Рядовые! Загружайте. И закрывайте.

После того, как крышка щёлкнула замком, за передней панелью Машины что-то загудело и зажужжало, и побежали по всей её поверхности вспышки разноцветных огоньков: не то – лампочек, не то – датчиков. Затем внутри, где-то очень глубоко, в движение пришли какие-то неведомые силы и механизмы: каменный пол под ногами ощутимо задрожал, и до их ушей донеслось что-то вроде похрустывания и поскрипывания: словно там, внутри, невидимый великан вращает рукоять гигантской мясорубки!

Дрожание пола продолжалось с минуты.

Но вот в Машине что-то звонко дзинькнуло, и мигавший все эти дни красный огонёк вдруг сменился столь долгожданным жёлтым, и почти сразу – зелёным!

Его Величество невольно выдохнуло. А до этого сир Ватель так зачарованно следил за волшебным таинством, разворачивавшимся перед его глазами, (И, скорее, всё же – ушами!) что даже дышать, похоже, забыл! Но взгляд, брошенный им на леди Рашель, выявил тот факт, что, похоже, и она испытала колоссальное облегчение. Заработала, стало быть, Машина!

И можно будет, если и правда, возникнет крайняя нужда, воспользоваться этим, предложенным леди Маргарет как последний, запасной, вариантом! С бегством. Сир Ватель поспешил приказать двум солдатам, пугливо прижавшимся, словно нашалившие школяры, к стене у самой входной двери:

– Свободны до особых распоряжений! Обратно в казарму бегом марш!

Только когда торопливые шаги топающих подкованными сапогами ног затихли в отдалении, его Величество с весьма довольным видом констатировал:

– Чёрт возьми. А ты у меня – умница!

– Ну – так! Я у вашего Величества ещё и красавица!

– Вот-вот. И я о том же. Жаль будет такую красоту «подправлять» какими-то дурацкими манипуляциями с передел-

кой носа, губ, ушей, глаз и всего прочего. Ведь это будете, миледи, уже не вы!

– Ах, вот как вы запели, мой неблагодарный и коварный возлюбленный! Что значит «я – буду уже не я»?! То есть, вы хотите сказать, сир Ватель, что с другой внешностью вы уже не будете любить меня столь страстно? – она, словно нарочно, тряхнула своими роскошными и пышными огненными волосами, и подошла вплотную, буквально впиваясь своими глазами в его! Его Величество изволили моргнуть. Потом его рот всё же выдавил:

– Не думаю, что разлюбил бы тебя, зар-раза ты, говоря простыми словами, сексапильная. Но твой теперешний вид... Устраивает меня абсолютно!

– Хм-м... Он мне, конечно, и самой нравится. Да, я у тебя – ничего себе! Скромно так говоря. Но... Если оставить наш, или даже только мой внешний вид без изменений – мы никогда не сможем не то что – затеряться, но и просто – выбраться из Эксельсиора незамеченными! Ведь и здесь, и в Тарсии, и меня и тебя знает каждая собака! Ну и главный аргумент: мою кошечку, которая тебе по твоим словам *особенно* нравится, мы «подправлять» не будем!

Его Величество вспыхнули, словно слуга, пойманный за игрой в игрушки хозяйских детей. Леди Маргарет подумала, что несмотря на все её усилия сделать этого рубаку циничным мерзким садистом, вроде того же лорда Юркисса, всё же вряд ли это в полной мере удастся – уж больно «порядочен»!

(Невольно поверишь, что он, как твердили злые языки – в старшего конюшего мадам Рюген! Тот как раз и привлёк её своими рыцарскими качествами! Так что наследственность, она... Влияет!) И стыдлив. До сих пор. Спустя пять любовниц и одну замученную королеву.

Да и ладно: использовать она его сможет и такого!

Но сир Ватель наконец смог ответить. И ходить вокруг да около не стал:

– Да, ты права. Эта штучка у тебя – выше всяких похвал. И в «переделке» уж точно не нуждается! – он порывисто прижал её словно бы случайно подставившееся гибкое тело к себе, ощущая, как заходили, задвигались под тонкой материей платья и кожей восхитительно упругие мышцы точёной талии, – Но вот что я подумал. Послушай. – видя, что она пытается перебить его, он даже положил ей на ротик свой палец. – Да, в кои-то веки и твоему «тупому и озабоченному» кобелю пришла в голову, вроде, дельная мысль. Как нам скрыться отсюда, ничего в своей внешности не меняя.

Смотри: лорд Юркисс, ознакомившись с логовом, и, главное – запасами пищи у медведя, сделал вывод о том, что лорд Хлодгар собирается не далее, как через месяц попытаться снова сюда проникнуть. Причём – изнутри! И отбить замок обратно. Следовательно, у чёрного Властелина есть на этот случай вариант тайного проникновения сюда!

Вероятней всего – подземный ход.

Потому что прилети он снова по воздуху, так же, как сбе-

жал – этого не заметит, и не обеспечит «достойную» встречу, только слепой и глухой идиот! И пусть весь замок и обыскан от шпилей на башнях, до подвалов, не слишком-то я доверяю способностям и возможностям наших бравых и ретивых, но вряд ли особо искушённых в поиске секретных ходов и дверей, пехотинцев!

Что, если мы – ну, вернее – ты! – пораскинешь своими прелестными мозгами, и сможешь найти этот подземный ход? Тогда никто не помешает нам сбежать через него!

То, что леди Рашель молчала целых три (!) секунды, сказало ему о том, что она поражена. И сейчас действительно тщательно обдумывает сказанное, и прорабатывает все варианты, что может сулить им нахождение этого самого «тайного» подземного хода.

Наконец его любовница разлепила сжатый до этого в ниточку маленький ротик:

– Слушай, а ты умней, чем кажешься с первого взгляда. – его Величество надулось было, но его быстро «утихомирили» весьма ощутимым тычком под рёбра, – Шучу, конечно. Ты и правда – молодец. Идея кажется плодотворной.

Тем более что я у тебя – тоже не промах. И обращаю внимание на любую мелочь.

Ну так вот: я уже знаю, где этот самый аварийный вход-выход и сам ход!

– Как так?!

– Видела! А вернее – догадалась. Вот сейчас, когда ты по-

дал эту мысль!

– И где же?!

– В нижнем подземелье, которое под клеткой. Ну, в том, где стоит реактор! Позавчера ведь мы его осматривали, когда клетку сдвинул этот, как его... А, да – сержант Вассерманн!

– И – что? Где это ты там нашла, или видела, запасную дверь?

– Да не дверь, балда ты, хоть и королевских кровей! А «Выход»! Ну вспомни: там в одном из углов реакторного зала есть пустое и гладкое место в стене, над которым висит тускло горящее табло с зелёной надписью «exit».

– Ну и что? Двери же под ним – нет?

– Значит, она просто хорошо скрыта. Спрятана. Предтечи же делали! Я уверена, если хорошенько поискать, и попробовать везде понажимать, мы найдём очередную тайную кнопку, или клавишу, которая нам этот самый «Выход» и открывает!

– Хм-м. Похоже на дело. Попробуем?

– Попробуем, конечно. Давай прямо сейчас. Ну, или сразу после того, как победим. Потому что потом можем и не успеть.

– То есть как это – не успеть?

– А вот так. Лорд Говард тянуть kota за хвост не будет. Думаю, сегодня, в крайнем случае – завтра, он пришлёт сюда делегацию, а, вернее – подойдёт для страховки с полным составом всей нашей бравой армии, с ультиматумом.

Где поставит генерала Жореса перед выбором: или он сдаёт для проведения суда и следствия двух преступников, подменённого самозванца и ведьму, ещё и отрекшихся от истинной Веры, пройдя через проклятую ужасную Машину... Или имеет перспективу полного истребления своего пехотного контингента. И, разумеется, себя – как пособника гнусных убийц и вероотступников.

По виду его Величества сразу стало понятно, что он оценил реальность угрозы. Потому что он первым двинулся на выход из пещеры с Машинной. На ходу его Величество проворчал:

– Я не верю.

– Во что же, мой милый баловник?

– В то, что *всё это* может случиться. В то, что ты придумала одними лишь ночными умственными рассуждениями.

– Самой тошно, жеребец ты мой призовой. И мне ещё меньше тебя хотелось бы столкнуться с тем, что эти, как ты их называешь, раскладки, сбудутся.

Однако в том, что раскладки, особенно выполненные вдумчиво и качественно, имеют дурацкую привычку сбываться, они убедились буквально после обеда.

Обед состоялся в малом обеденном, как его теперь велел называть сир Ватель, зале. Королевский повар превзошёл самого себя, хотя заказанный им обоз со всеми обычными для королевской кухни продуктами, приправами, эксклюзивными

ми специями и маринадами, ещё не прибыл из Клауда. Однако то, что подавали на стол, совершив не менее пяти перемен, королевские пажи и виночерпии, оказалось в очередной раз вполне съедобно. И даже вкусно. Его Величество позволили себе сыто и умиротворённо рыгнуть. За что леди Рашель традиционно сердито на него посмотрела. Но поглощённое приятным процессом переваривания сытного обеда его Величество не отреагировало – привыкло.

Впрочем, как и леди Рашель – к его напускному бескультурию.

Однако выразить повару, пригласив его, как иногда бывало, после окончания трапезы в обеденный зал, свою благодарность, его Величество не успел. Потому что в дверь вошёл генерал Жорес собственной персоной.

По его нахмуренному челу и озабоченному виду сир Ватель догадался, что чёртовы «раскладки» леди Рашель, похоже, начинают сбываться.

– Сир! – генерал склонился в почтительном поклоне, – Я не посмел бы беспокоить ваше Величество во время трапезы, но... У нас – чрезвычайные обстоятельства! Не могли бы вы уделить мне минуту вашего драгоценного времени?

– Мог бы, милорд Жорес. Тем более, что мы уже отообедали. – сир Ватель, снимая салфеточку с колен, и небрежно кидая её на стол, легко догадался, что генерал отлично это знает и сам, поскольку наверняка стоял у входа в зал, и видел, как понесли десерт – внутрь, а пустые тарелки – нару-

жу, – Предлагаю пройти в мой кабинет.

– Да, сир. – генерал снова поклонился, опустив глаза долу, но леди Рашель отметила себе, что он зыркнул и на неё. И – отнюдь не благосклонным и уважительным взором.

В кабинете, если так можно назвать спешно переоборудованную комнату перед спальней, сир Ватель не стал ходить вокруг да около, а сразу указал генералу на стул у длинного стола:

– Прошу, генерал.

После чего первым подал пример, сев на кресло во главе.

Леди Рашель никто сесть не предложил, однако она и сама отлично справилась, правда, не сев, а встав за спиной своего венценосного любовника. Генерал Жорес снова на неё зыркнул. Сир Ватель сказал, ободряюще, (Вот только неизвестно, кого он хотел подбодрить – её или себя!) и похлопав леди по одной из положенных ему на плечи рук:

– Итак, милорд Жорес, что там случилось? Что за обстоятельства?

– Прошу прощения, сир, – генерал прочистил горло, – Не могли бы мы обсудить эту... э-э... проблему наедине?

– Не думаю, что это хорошая мысль, милорд генерал. Во-первых, у меня, как вы, наверное, догадались, нет секретов от леди Рашель. А во-вторых эти «обстоятельства», как мне кажется, так или иначе связаны именно с ней, и тем посланием, что вы получили только что от лорда Говарда!

Лицо генерала вспыхнуло, и он поёрзал на своём стуле, словно тот жёг ему то место, которым обычно и сидят. Повисла пауза. Затем лорд Жорес выдавил:

– Да, сир. Именно так, сир. Послание от лорда Говарда прибыло полчаса назад.

Леди Рашель решила вступить в разговор, выйдя наконец из-за кресла короля, и сев по другую руку от него:

– А почему вы, генерал, ничего не сказали о другом письме? От леди Наины?

Генералу удалось на этот раз совладать с телом – он не ёрзал. Но выдало опять лицо – оно теперь побледнело, и лоб покрыли капли испарины. Но пауза получилась короче:

– Всё верно, сир. Я получил письмо и от её Величества.

– Личное?

– Н-нет. Скорее, оно предназначено не столько мне, сколько вам, сир.

Его Величество не стал колебаться:

– В таком случае давайте. Оба.

Генерал вынул из-за пазухи два сложенных листка, и передал через стол его Величеству. Сир Ватель бумаги взял, но глаза его были при этом устремлены в лицо лорду Жоресу. Лорд генерал глаза снова опустил. И насупился. Из чего сир Ватель заключил, что лорд Жорес уже принял решение.

И оно отнюдь не в его пользу.

Первым сир Ватель прочёл письмо от лорда Говарда.

«Милорд Жорес!

Как вы несомненно знаете, в подвале замка Эксельсиор, покинутого лордом Хлодгаром, имеется устройство древних, более известное под названием «Машина». Далее, вы, без сомнения знаете, что сир Ватель, наш король, воспользовался, добровольно, или по принуждению от известного Вам лица, этим устройством. А в соответствии с постановлениями и указами нашего святого Конклава, любое лицо, так или иначе воспользовавшееся любым устройством Предтеч, подлежит суду святого Конклава, и, в случае, если будет признано виновным, отлучению от лона нашей Святой Церкви, и казни через аутодафе.

То, что его Величество является помазанником Божьим, в данном случае нисколько его преступления не умаляет, а наоборот, усугубляет: поскольку таким образом подаётся отвратительнейший пример остальным истинно верующим подданным нашей страны.

Святой Конклав заинтересован в предотвращении в будущем подобных инцидентов. Поэтому виновные должны быть подвергнуты аресту, дознанию, суду. И понести заслуженное наказание. Публичное.

В связи с вышеизложенным приказываю вам: для обеспечения проведения суда и соответствующего расследования, незамедлительно по получении этого письма арестовать его Величество, и известное Вам лицо. И передать в руки выделенного для этого батальона охраны, ожидающего сейчас за воротами Эксельсиора. Как ожидает этой выдачи и вся наша

доблестная армия, в настоящее время окружившая этот замок.

На выполнение этого приказа Вам, милорд, отводится три часа с момента вручения этого официального приказа.

В случае неисполнения это будет расценено как прямое неподчинение приказу Главнокомандующего в военное время, и пособничество преступникам, нарушившим постановления Святого Конклава. Вследствие чего вас тоже будут судить по статьям, предусмотренным для такого рода преступлений Военным Трибуналом, и соответствующими постановлениями Святого Конклава.

Главнокомандующий армии Тарсии,
Лорд Говард.»

Прочтя, сир Ватель передал письмо леди Рашель. Та приступила к чтению. На лице её, впрочем, не отражалось ничего: словно речь шла не о том, что им с любовником предстоит арест, и суд, являющийся по-сути пустой формальностью, поскольку факт преступления сомнений не вызывает, и затем – крайне мучительная смерть, а предложение, например, принять в знак глубочайшего почтения букет цветов.

Сир Ватель развернул второе письмо.

Впрочем, его содержание особого напряжения умственных способностей не требовало, поскольку содержало оно всего одну фразу:

«В случае оправдательного приговора Конклава, или заточения в подвалы Клауда, порцию грибов гарантирую!»

Сир Ватель невольно усмехнулся, передавая и это письмо леди Маргарет:

– Она у нас – с юмором! Никак, у свекрови переняла традиции...

Лади Рашель «юмор» тоже адекватно заценила:

– Вот ведь с-сука! – и, заметив, как непроизвольно подпрыгнул на месте милорд генерал, поспешила добавить, – Нет сомнения, что её Величеством руководят прежде всего забота о Тарсии, и строгом соблюдении Законов, и указаний и постановлений Святого Конклава.

Его Величество не удержался, чтоб не дёрнуть щекой, и побарабанить снова кончиками пальцев по столешнице. После чего поднял взор от этой столешницы к генералу:

– Я слушаю вас, милорд Жорес. Как вы предполагаете поступить?

Генерал, надо отдать ему должное, когда речь зашла о конкретных действиях, не колебался. Похоже, и правда уже всё решил. И сохранение лица, и образа истинно верующего христианина, готового любой ценой следовать указаниям Конклава наверняка было увесистым аргументом в этом решении. Равно как и армия под стенами Эксельсиора:

– Простите меня, сир Ватель. Для меня вы – помазанник Божий, и наш законный король! Поскольку я прекрасно понимаю, что ваша личность вовсе не была подменена или изменена в результате посещения Машины! Но как законопослушный гражданин, истинно верующий христианин, и дис-

циplinированный солдат я должен в первую очередь думать о благе Страны. Поэтому я собираюсь исполнить приказ лорда Говарда. Но...

Выполню я его, – лорд Жорес извлёк из кармана круглый хронометр, полагающийся по должности всем высшим офицерам, и кинул на него прищурившийся взор, – Через два часа и одиннадцать минут. Пока же, с позволения Вашего Величества, я удалюсь, и продолжу заниматься своими непосредственными обязанностями по обустройству гарнизона Эксельсиора!

После того, как за лордом Жоресом закрылась входная дверь, любовники переглянулись. Слово, если продолжающийся «Малый Совет» назвать так, взял сир Ватель:

– Он что – дурак?! – его Величество от души приложил тренированным стальным кулаком по столешнице, после чего раздался оглушительный грохот, и стол заходил ходуном, – Он и правда – рассчитывает на то, что мы, как осознавшие свои преступления, и видящие неизбежность суда и расплаты, идиоты, покончим с собой?!

Леди Маргарет выглядела куда спокойней:

– Нет, не на это он рассчитывает, милый. И не нужно сердиться на бравого вояку. Он – и правда тебя любит и уважает. Иначе не стал бы предоставлять нам этих двух часов!

– В-смысле – двух часов?

– Хватит! Приди в себя, милый! Генерал знал о том, что мы потребовали туши двух свиней. Он наверняка понял,

(Ну, или успел расспросить исполнителей!) что они нужны были для починки Машины. И теперь просто предоставил нам два часа. Для «ремонта» наших физиономий!

Его Величество пошло пятнами – красные, безобразные, они выступили на вспотевшем лице. Но путного сир Ватель явно ничего не надумал: от второго удара столешница наконец треснула:

– Так не бывать же этому! Я пока – король этой чёртовой страны! И я буду решать, с какой физиономией мне править ей! Погоди: я разберусь и с чёртовой куклой, хитро...опой живучей тварью, что сейчас нагло залезла на мой трон, приняв должность регентши, и со всеми этими идиотами, что поддерживают её!..

Пауза, последовавшая после этого, затянулась. Леди Рашель, сидящая снова с каменным выражением на прелестном, но вдруг постаревшем, лице, наконец решила высказаться. Сделала она это мягким и тихим голосом, при этом нежно положив маленькую ладонь на руку своего короля, лежавшую перед ним на столе:

– Ваше Величество, ваши мечты, вероятней всего, несостоятельны. И, боюсь, вы являетесь королём уже только для себя. Ну, и меня. Не нужно тешить себя беспочвенными иллюзиями. Вас уже низложили. Жаль.

– Тебе – жаль?! И только-то?! Нас вот-вот распнут, предадут, выставят на посмешище наши дела и утехы, приговорят и сожгут, а тебе всего лишь – «жаль»?!

– Нет, мне жаль не этого. А того, что не предусмотрели. Не довели дело до конца. Не уничтожили огнём чёртов мозг нашей милой и незлобливой леди Наины. Без мозга Машина никогда бы её не восстановила. И у нас не было бы проблем.

– Ладно, плевать на то, что мы «недодумали» или «недоделали». Что мы будем делать сейчас? – с его Величества словно сошло, или он понял, что стучанием по ни в чём не повинной мебели проблему не решить, а руки надо бы поберечь.

– Сейчас, ваше Величество, ситуация вполне недвусмысленная. Ваш лорд Жорес, который и правда – привязан к вам, и благорасположен, если это так назвать, даёт нам превосходный шанс. Правда, он не совсем понимает ситуацию: если мы и правда – *сейчас* изменим лица и фигуры, и попытаемся затеряться, то этот план обречён на абсолютный и полный провал!

– Как так?!

– Ну, подумайте вы сами, сир Ватель! Вот выходит лорд Жорес к лорду Говарду, и говорит, что двое преступников... Скрылись в неизвестном направлении!

И что, по-вашему, будет делать Главнокомандующий?

Вот именно. Он отлично знает, что улететь, как сделал лорд Хлодгар, мы отсюда не можем. Подземных ходов тут нет. (Ну, вроде бы!) Следовательно – мы воспользовались в очередной раз Машиной, и – изменили внешность! А в моём случае – и пол. Ну так и что? Скрыться-то из Эксельсиора,

минуя окружившие его войска – невозможно!

Лорд Говард прикажет построить все подразделения генерала, все эти несчастные полтора полка, гордо именуемые первой пехотной дивизией, и заставит солдат указать, кого раньше с ними не было! То есть – чужаков!

Вот и всё! В-смысле – всё кончено.

Для нас.

Фенита ля дешёвая комедия, доставившая бы немело весёлых минут её Величеству. А я бы не хотела доставлять их ей.

– Так что же нам делать?

– Бежать. И нам для этого понадобится вода, пища, тёплая одежда. И человек, чтоб всё это нести. Как, ты говорил, имя того придурка, которого ты сделал сержантом?..

Сержант Бормолини явно гордился той великой честью, что оказал ему лично его Величество.

Ну как же! Не каждый день выпадает случай стать – ну, при благоприятном исходе дела! – потомственным дворянином, и королевским лейтенантом! Которому предстоит вскоре возглавить новосозданную спецроту гвардейцев! Личную гвардию и охрану короля! Перспективы – о-о!..

Поэтому тот объёмный и тяжеленный тюк, который он нёс, не доставлял буквально надувшемуся от гордости и предвкушения будущих почестей и привилегий мужчине неудобств. По-крайней мере, на первых порах. Всё-таки, как

высказалась по этому поводу леди Рашель, когда голова их «носильщика» скрылась в люке под клеткой, «главное – позитивный настрой»!

Следом за Бормолини в люке скрылась и сама леди.

Его Величество изволили вздохнуть. Потому что неотступным назойливым дятлом стучал в голове вопрос: как?!

Как он дошёл до жизни такой?!

Как позволил втянуть себя в презренное и недостойное монарха дело?!

Неужели настолько потерял голову от необузданного и – надо признать! – всепоглощающего секса?! Почему повёлся на это тело, это прелестное, такое податливое и чутко реагирующее на его ласки, тело?! Манящее и дразнящее доступностью и реальностью воплощения всех его эротических фантазий? И ведь – оправдавшее все его самые смелые ожидания и чаяния! Ну так и что – неужели единым лишь сексом жив человек?!

Баран? Без сомненья.

Похотливый баран!

К тому же «починенный». Качественно!

Кто бы не повёлся в такой ситуации?! Кто не пошёл бы на поводу своего ...я?!

И вот она, логичная и неизбежная, расплата: ему, законному королю, приходится позорно бежать, полагаясь на слепую удачу, прочь из страны и столицы. Каясь, скорбя, и зная, что законный путь на потерянный трон заказан: решение

Конклава и Королевского суда очень даже легко примут, если уже не приняли, и заочно!

Но не оставаться же, и правда, здесь? Чтоб дать арестовать себя. Судить. Опозорить перед всем народом. И сжечь. На потеху этому самому народу, армии, и его бывшей.

Королеве.

Не повезло ему. Если б они с Маргарет додумались раньше до того, что может сделать, как повернёт ситуацию эта хитро...опая стерва – они бы уж точно: подстраховались! То есть – не оставили чёртовой Машине возможностей воссоздать эту сволочь.

Хотя, надо признать, хорош и он.

Незачем было так жестоко наказывать, и, тем более – пытаться королеву.

Ведь она – королева! То есть – тоже помазанница Божья. И достойна если не суда – так просто удара меча, снесшего бы благородную голову с плеч!

И его Величество до сих пор испытывал ещё и муки совести – всё-таки, эта женщина, леди Наина, подарила ему наследников. И наследниц. И какое-то время – он помнил! – он был с ней абсолютно счастлив!..

Но за всё надо платить. Счастье не бывает бесконечным. И нужно признать: в том, что он охладел к королеве, имеется не только его вина. Проще всего сказать про сложившуюся ситуацию словами простолюдинов: надо было своему мужу *чаще давать!!!*

А то – «Я беспокоюсь за безопасность нашего малыша!», или «Голова болит!»...

Ладно, сделанного не воротишь.

А сейчас у него выбор прост: то ли бежать в подземелья лорда Хлодгара, не зная, что там, в глубине, и будет ли милостива госпожа Фортуна, позволив скрыться, или...

Или отдаться на милость суда Конклава. А вернее – на расправу супруге. Бывшей. Ясно давшей понять, что уж она-то на суд Конклава отнюдь не уповаает!

А скушать «обработанных» грибочков, или что там будет их заменять – огурчики ли, помидорчики, или просто – хлебушек – что-то не... Потому что агония и муки явно будут длиться не один день. Отлично знает леди Наина, где храниться кофр со всеми снадобьями мамочки сира Вателя. И как пользоваться какими из них!

Колесания прервал обеспокоенный голос из-под пола:

– Милый! Ты идёшь?

– Иду, солнце моё! – он нажал клавишу на стене, и успел залезть в люк до того, как клетка перекрыла дном отверстие, скрыв, возможно, навсегда, его и его спутников от глаз людей. Его бывших подданных. Солдат и добропорядочных граждан Тарсии.

В которую ему теперь въезд заказан!

– Что значит – исчез?! – лорд Говард проявил неудовольствие лишь шевелением кустистых седых бровей, – Куда там

можно исчезнуть? Ведь замок обыскан?!

– Совершенно верно, милорд Главнокомандующий, – генерал то бледнел, то краснел, и испарина покрывала его высокий лоб несмотря на солидный минус, стоявший сейчас в Штабной палатке. Но лорд Говард видел, что на самом-то деле лорд Жорес очень даже доволен сложившейся ситуацией: он, вроде как честно, выполняет приказ Главнокомандующего... И в то же время не поступает своей совестью, которая, надо отдать ей должное, оказалась на стороне того, кого генерал и правда – любил и уважал. Возможно, потому, что почти всё детство сира Вателя, не стесняясь, возился, и играл с ним. Даже непозволительно балуя, что отмечал и отец сира Вателя, его Величество сир Галевин.

Что лорда Говарда, если честно, не удивляло. Поскольку своих детей лорду Жоресу с его леди Дианой Господь не дал, а на манёврах да учениях в полях и лесах в основном «работал» как раз лорд Главнокомандующий, предоставив лорду Жоресу возможность часто, и длительное время, оставаться при казармах. И королевском замке.

– Ну так и – что?

– Я не мог и вообразить себе такую ситуацию, милорд, но его Величество и леди Маргарет – как в воду канули! Мы продолжаем искать!

– Вот это правильно. Продолжайте. Но для начала постройте-ка вы ваших людей, скажем, во внутреннем дворе замка, а затем мы с вами проведём смотр. Может, найдём

кого лишнего. Того, кто не числится в вашей так называемой дивизии. А вот если не найдём...

Будем совместно искать дальше. Мои люди присоединятся к вашим. Однако!

Имейте в виду, лорд Жорес. Если наши люди ничего не найдут, скажем... к завтрашнему утру, на вас ляжет вся ответственность за неисполнение надлежащим образом моего приказа. Поскольку получится, что вы не осуществили арест преступников против святой Церкви, Королевства, и её Величества!

– Я... понимаю, милорд Главнокомандующий. Ответственности с себя за недосмотр я никоим образом не снимаю. И готов понести заслуженное наказание.

– Прекрасно. – хотя непонятно было, что в этом «прекрасного». Но лорд Жорес промолчал, а лорд Говард не объяснил, что именно он имеет в виду – то ли то, что произошёл «недогляд», то ли то, что лорд Жорес осознаёт и не складывает с себя ответственности, – В таком случае прошу вас приказать своим людям – всем до единого! – построиться во дворе. Затем мы с вами пройдем туда. И если никого не найдём, вам придётся проследовать в ваши комнаты, генерал, и не покидать их до моего распоряжения. С этой минуты вы – под домашним арестом!

– Слушаю, милорд! Есть, построить людей! А затем – под домашним арестом!

С видимым облегчением почти столь же седой, как и сам

Главнокомандующий, генерал чётко развернулся, и строевым шагом вышел в сопровождении выделенных для этого четырёх солдат. Не гвардейцев – поскольку всю личную гвардию, столь опрометчиво посланную его Величеством в погону за королевой, попросту перебили.

Когда за вышедшими закрылся полог палатки, лорд Говард подумал, что если солдаты генерала сами не обнаружат двух «новичков», искать в Эксельсиоре двух беглецов можно хоть до второго пришествия. Потому что если бы кто и мог здесь, в этом проклятом замке хоть что-то найти, так это – чёртов бывший королевский узник. Лорд Юркисс. Сейчас при полном попустительстве этого самого лорда Жореса, изменивший внешность, так, что и не узнать. И благополучно «сделавший ноги». Растворяясь, как он сам часто любил варивать, «во мгле преданий». Чёртов дядя. Как нужна была бы сейчас его помощь!..

У входного проёма осторожно покашлиали.

– Войдите, кто там!

В щель весьма робко – очевидно понял по тону, что с лордом Главнокомандующим сейчас шутки плохи, поскольку выполнить приказ Конклава и её Величества не удалось, протиснулся лорд Фрум, личный ординарец лорда Говарда:

– Позвольте, милорд Главнокомандующий?

– Конечно, лейтенант! Ведь вы без дела не стали бы меня беспокоить! Ну, что там?

– Да вот, милорд, письмо!

– Письмо?

– Да, сэр. Но... Попало оно к нам несколько странным образом.

– Вот как? И каким же?

– Рядовой Армавир стоял на посту в карауле. Вон там, возле вон того леска. – ординарец махнул рукой в достаточно неопределённом направлении, поскольку лес был, объективно говоря, практически со всех сторон Эксельсиора, – И оттуда к нему подошёл старичок. Такой, довольно бодренький, и с огромной седой бородой. Часовой приказал ему убираться. А старичок спросил: «А что? Я похож на ящерицу?» – и так мерзенько захихикал. А часовой сказал, что он похож на идиота, пытающегося пролезть на охраняемую им территорию. И что он его всё равно не пустит, чем бы тот не торговал! А старичок перестал смеяться, и уже серьёзно спросил: «Лорд Говард здесь, в лагере?» Часовой ответил, что это не его дело, и шёл бы он ... э-э... лесом! А старичок сказал: «Пойду, конечно. Но если хочешь, чтоб вы все тут, на охраняемой таким как ты идиотом, территории, остались живы, предай вот эту записку ему. И скажи, что это – весточка от его любимого дяди. Он поймёт!» А записку он просто кинул на снег, к ногам часового. После чего как ни в чём не бывало развернулся, и скрылся в лесу. А спустя какое-то время до часового донёсся стук копыт. Ну, бумагу он подобрал, конечно... А тут как раз смена караула, и рядовой пришёл к своему сержанту с этой самой бумагой. Поскольку жить

очень хочет. А вот читать не умеет. Как и его сержант. Но тот парень с головой, вот и позвал сержанта Кроуфорда. А тот – лейтенанта Нансена. А уж тот – меня. Посчитав, что раз уж это письмо адресовано вам, милорд, и речь идёт о жизни или смерти, я и должен его...

– Ну-ка! – лорд Главнокомандующий, уставший от несколько занудных, хоть и педантичных, как он всегда и приказывал, пояснений, протянул руку, почти вырвав письмо, которое всё это время несколько робко, словно оно и правда – могло укунить его, держал в вытянутой руке лейтенант, прервав пусть подробную, но не слишком вразумительную речь.

Письмо оказалось свёрнуто трубочкой, и сильно измято и подмочено. Что было не удивительно. Поскольку оно попало на снег. Расправив бумагу, лорд Говард прочёл на лицевой стороне конверта: «Лорду Главнокомандующему. Лично.»

Лорд Говард позволил губам чуть раздвинуться в улыбке, и чуть заметно покивал головой: точно! Почерк любимого дяди. Глаза у того на затылке, что ли?! Каким местом он почувал, что возникла нужда в его консультации? Ну, или, проще говоря – помощи!

Внутри конверта оказался всего один листок. С двумя фразами:

«Сержант Вассерман знает, как попасть в зал с реактором. Аварийный выход – под соответствующей надписью.»

Лорд Говард, внутренне посмеиваясь, а внешне – с непро-

ничаемо суровым выражением лица сложил письмо и сунул в карман. Повернулся к лейтенанту:

– Передайте мой приказ командующим полками: как только мы с лордом Жоресом закончим смотр его подразделения, всем нашим войскам свернуть палатки, и входить прямо через ворота. Расквартировываться в замке. Ночевать нам так и так предстоит в нём. Кроме того, сообщите всем офицерам, что и Штаб тоже переносится в Эксельсиор. Размещение милордов полковников и лорда Адмирала – на их собственное усмотрение. В свободных комнатах, или тех, что им понравятся. А людей лорда Жореса можно переместить и в другие места. – лорд Говард не уточнил какие, но по тону можно было догадаться, что уж точно – не в самые лучшие и удобные, – Я тоже направляюсь внутрь. После смотра буду в зале, где мы уже проводили Штабное совещание. Пришлите мне прямо туда отделение крепких и сообразительных лучников.

Они мне понадобятся прямо сейчас!

Когда последний лучик света, проникавший через люк под клеткой, исчез, сир Ватель почувствовал настоящий страх.

Что, если они не смогут открыть чёртов «выход»?! И навсегда застрянут в зале с басовито гудящей машиной, которую лорд Юркисс назвал «реактором»? А как сдвигать клетку изнутри, никто ведь не знает! И, похоже, это просто невоз-

можно!

А что будет, если «выйти» не удастся, а их тут попросту не найдут?

Припасов, которые они захватили с собой, хватит в лучшем случае на неделю. А воды – на десять дней. Поскольку зимой жажда почти не ощущается. Но если они, вот именно – застрянут в этом зале, можно и просто замёрзнуть! Поскольку тут не выше плюс десяти градусов!

Спустившись на каменный пол, его Величество, частично успокоенный тем, что света потолочные плафоны давали вполне достаточно, застал почти мистическую картину. Сбоку от пустого и гладкого пространства, расположенного под горящей зелёным светом надписью «Exit», стоял в напряжённой позе и с приоткрытым ртом сержант Бормолини, сгрузивший, правда, добро, что он нёс до этого, на пол. Но пялился во все глаза сержант вовсе не на это самое пустое пространство стены. А на леди Рашель. Она стояла в глубоком раздумье перед самым предположительным проёмом выхода, подбоченившаяся и насупившаяся. Складывалось впечатление, что вот сейчас она, подобно древним Колдуньям или ведьмам, возденет руки к небесам. И прикажет стене: «Разверзись!»

Но сир Ватель, сглотив, и приведя чувства снова в относительный порядок, решил пока не мешать ей, и не задавать глупых или отвлекающих вопросов – в том, что касалось аналитики и логики, он целиком теперь полагался на её

ум. Поскольку прекрасно понимал, кто у них главный мыслитель. Поэтому его Величество просто тихо встало рядом с сержантом.

Через пять минут леди Рашель, периодически менявшая позы, оторвала кулак от подбородка, а руку от бока, и вздохнула:

– Ничего не надумала. Придётся просто хлопать везде, и нажимать!

Хлопанье, вначале осторожное, а затем и умеренное, а затем и такое, что только чудом не отбили кулаки, ничего не дало. Как и нажимание. Леди Маргарет – его Величество готов был поспорить, что не ослышался! – выматерилась вполголоса.

Как ни странно, наступившую тишину нарушил тихий и вежливый голос сержанта:

– Ваше Величество! Миледи! Позвольте?

– Ну, что там у вас, сержант?

– Вы ведь выход пытаетесь открыть?

– Да. – леди Маргарет, когда хотела, выглядела почище любой гюрзы. Но сержант не испугался:

– А я вот вспомнил кое-что. Из детства.

– Да? И какое оно может иметь отношение к нашей ситуации?

– Прямое, миледи. Мне мама часто рассказывала на ночь сказки. Одна сказка называлась Хозяин Кольца. Там рассказывалось точь-в-точь про такую же ситуацию. Как отряд тех,

кто боролся с тёмным Властелином, пытался открыть вход в заколдованное подземелье. Кажется, владения гномов. Ну, они смогли.

– Вот как? И как же они это сделали?

– Они прочли вслух заклинание, миледи! Волшебное!

Как ни странно, леди Маргарет хлопнула себя по лбу – в тихом гуле реактора этот звук буквально ударил по ушам и нервам:

– Чёрт возьми! Точно! Только сказка называется «Волшебное кольцо»! Заклинание было. Но... Да, будь оно трижды неладно – у Предтеч и не такое возможно. Просто называется такое воздействие не «заклинание», а – «голосовое управление».

Сир Ватель насупился:

– И – что? Ты хочешь попробовать угадать это слово?

– А что? У нас есть выбор? Вот уж не стыдно мне пере-пробовать всё то, что может привести к нашему спасению! Отодвиньтесь-ка!

Она снова встала напротив проёма. Громко и внятно произнесла:

– Открыть дверь!

В глубине горы что-то щёлкнуло. Медленно и словно торжественно по центру проёма возникла вначале волосяная, но с каждой секундой расширяющаяся вертикальная щель. Странно – но эта дверь не открывалась, а сдвигалась – в стороны.

Меньше чем через минуту две створки разошлись настолько, что в глубину находящегося за ними пространства уже можно было пройти. Сир Ватель, до этого стоявший прямо за спиной леди Маргарет, ещё в самом начале процесса открывания вышел вперёд: мало ли! Выскочит ещё кто-нибудь смертоносный! Тот же медведь...

К счастью, никто из тускло освещённого и показавшегося светло-серым коридора, оказавшегося там, за створками, не выскочил. И вскоре дверной проём оказался раздвинут на всю свою ширину: три фута.

Однако тут же выяснилось и то, что если они хотят спастись, мешкать нельзя: проём вдруг начал точно так же неторопливо закрываться!

– Быстрее! Не поручусь, что во второй раз чёртово «защелкивание» сработает! – леди Рашель первой подала пример, схватив из кучи их припасов и вещей то, что лежало сверху, и метнулась вовнутрь. Сир Ватель и сержант поспешили последовать примеру, похватав впопыхах и как попало то, что ещё оставалось лежать перед дверью.

И только когда они оказались по другую сторону, и дверь благополучно закрылась, снова щёлкнув какими-то механизмами в глубине скалы, сир Ватель решил прокомментировать:

– Сержант! Хвалю за сообразительность! И поздравляю! Вы только что получили внеочередное воинское звание. Вы теперь – лейтенант. И за заслуги перед Отечеством и его Ве-

личеством достаиваетесь пожизненного дворянства. И даже собственного герба.

– Служу его Величеству! И Тарсии. А у меня и правда будет – *собственный герб*?!

– Да, лейтенант. Но придумать его вам придётся позже. А сейчас продолжайте помогать нам всем спастись!

Кольчуги отряда менталистов-диверсантов разумеется не спасли их от бронебойных наконечников стрел лучших стрелков Тарсии.

Так что когда с методичным и цинично-жестоким избиением было покончено, лорд Дилени первым подошёл туда, где теперь вместо шедшего чётким строем отряда лежали беспорядочно наваленные трупы. Некоторые тела, впрочем, ещё подавали признаки жизни. К наиболее «живому», уже отползшему довольно далеко от тел сотоварищей по направлению к спасительной чаще тайги, лорд и направился.

Менталист старался, сжав зубы так, что они скрипели, убраться от места избиения, и явно хотел попытаться ползком скрыться – для начала в придорожные кусты. Однако на снегу это у него плохо получалось: руки проскальзывали, и тело за каждое подтягивание продвигалось вперёд не больше, чем на дюйм-другой. А-а, понятно: перебит позвоночник, и работают только руки.

Лорд Дилени остановился в двух шагах – мало ли! Теперь он мог тело и лицо – вернее всё же – затылок! – диверсанта

рассмотреть получше.

Кольчуга. Отличного плетения, лёгкая и удобная. Прикрывающая торс ниже паха. Похоже, в ближнем бою такая прекрасно защитит от удара меча или секиры. Штаны. Шерстяные. А снизу – их даже видно – проступают! – тёплые подштанники. Возможно, и не одни. Отличные унты. Под кольчугой – шерстяной свитер. Наверняка под ним есть и льняная нижняя рубаха. На голове – шапка. Не шлем, как у бойцов армии Тарсии, а – ушанка. Белая. (Ну правильно: они же – диверсанты! То есть не вступают в открытый бой, а «коварно» разят из-за угла!)

Когда тень от лорда Дилени упала на ползущего, он замер. Затем развернулся к подошедшему. В руке полковник увидел блеснувшее лезвие кинжала.

Но кинуть оружие раненный не успел. Лорд быстро опустился рядом, на колени, и вырвал кинжал из ослабевших рук. Ему даже не пришлось прикладывать особых усилий – нож еле держался там. Лорд хмыкнул: вот оно в чём дело! На пострадавшем не было тёплых варежек, поэтому, очевидно, и не смог перерезать себе горло...

Голова лежавшего метнулась к ноге Дилени, и торчащие изо рта клыки попытались цапнуть лорда за икру. Лорд ногу убрал. Подумал, глядя в горящие ненавистью глаза. Лицо, можно сказать, типичного менталиста. Чешуя, вертикальные зрачки огромных глаз, четыре клыка, и более мелкие острые зубы. Сейчас оскаленные.

Лорд Дилени поднялся на ноги. Отошёл на пару шагов, сделал жест леди Еве и лорду Борису. Пока те преодолевали разделявшие их сто шагов, внимательней рассмотрел кинжал. Нет, всё верно: ему не показалось.

Обычный кинжал. Точно такой же, как его собственный. Да и как может быть иначе, если у рукоятки, на лезвии, стоит клеймо оружейных мастерских Дробанта. Значит...

Значит, кто-то очень даже запросто снабдил проклятых тварей точно такой же экипировкой и оружием, что использовались в армии Тарсии. Вероятно, просто позаимствовав всё это с региональных складов при крепостях. Ну, или прямо из Арсенала в столице.

А вот это интересно.

Поскольку выяснить, кто и когда приказал подготовить, и забрал партию в пятьдесят кольчуг, пятьдесят луков, и сто метательных кинжалов, будет, скорее всего, нетрудно.

Леди Ева, подойдя, проворчала:

– А хорошо стреляют ребята лорда Бориса. Сознания большинства диверсантов уже отключились, или затуманены. Минут через пять все раненные умрут.

– Понятно. Что – с этим? Что-нибудь можешь прочесть из его воспоминаний? Мне очень нужно знать, откуда у них наши армейские кинжалы. – он подбросил кинжал на руке, затем передал рукояткой вперёд леди Еве. Та взяла, скорее, чтоб ощутить вес, но на само оружие даже не взглянула: очевидно, ей было достаточно картины, запечатлевшейся в моз-

гу полковника, – Луки. Стрелы. Мечи. И кольчуги.

– Поняла. Минуту. – она нахмурилась. Брови вдруг вскинулись, – О-о, а это интересно! Ты прав на все сто! Нам повезло, можно сказать, с ним. – она небрежно махнула ручкой, – Вижу, что он был в числе десяти менталистов, которые всё это как раз и забирали со склада. Под Дробантом. Так. М-м... Договаривался их командир. Но от него сейчас толку мало – вон он лежит, со стрелой в черепе. А вот то, как этот командир передаёт какому-то офицеру интендантской службы – по отличному материалу камзола узнала! – мешочек – виновата, здоровенный мешок! – с золотом, он видел чётко.

– Проклятье. Продали нас, значит. Ладно, с этим понятно. А что – с лицом?

– Лицо офицера видно плохо. Поскольку ночь, дождь, и облака закрывают звёзды. Но погоди... – она прикусила губы. Прикрыла глаза, – Есть! Видела лицо. Мельком, и его глазами. Закрой-ка твои, и постарайся расслабиться – попытаюсь показать и тебе!

– Тогда уж и мне! – лорд Борис, до этого молчавший, вдруг проявил признаки живейшей заинтересованности.

– Ладно, попробую. Только встаньте сюда, рядом. Ну, закрывайте.

Лорд Дилени был готов, поскольку уже имел представление, как леди Ева может «показать» ему то, что творил с ней чёрный Властелин. Или то, что видел лорд Айвен.

Но одно дело – когда что-то происходило с ней самой, или

благополучно здравствующим лордом Айвенгом, а другое – когда она пытается выудить картины из памяти агонизирующего сейчас у их ног, и явно не слишком расположенного к «сотрудничеству», существа. Да и «расслабляться» рядом с пятьюдесятью трупами, или подвывающими и стонущими умирающими, было не совсем сподручно...

Однако картина возникла.

Вот его зрение в чаще леса Ривендол, рядом с Дробантом – как не узнать гигантские трёхсотлетние платаны, растущие только там... Вот и полузаброшенная сельская дорога – похоже, ведшая до этого в один из сейчас вырезанных тварями лорда Хлодгара, посадов. Осень, потому что на дороге стоит телега, оставившая глубокие колеи – из-за того, что полотно размыло сильным, и продолжающим идти и сейчас, ливнем. В поле зрения попадают руки-лапы – он, похоже, их хозяин! И он движется вперёд, к телеге. К ней же подбираются, пригибаясь, ещё девять чёрных фигур – менталисты-диверсанты! Освещаемые лишь кратковременными очень далёкими вспышками – молнии! А вот грома почти не слышно за мерным шумом капель, бьющих по хвое и листве.

Но вот чёрные фигуры и у самой телеги – лошадь, что у неё запряжена, начинает нервно вскидывать голову, топтаться на месте, всхрапывать, и даже пытается сбежать, но – остановлена чьим-то окриком, и натянутыми вожжами. В голове менталиста, чьими глазами лорд Дилени сейчас видит происходящее – словно взрыв! Заставляющий ноги словно при-

расти к земле, а телу дающий приказ прекратить движение вперёд. А, это их начальник приказывает ближе не подходить! Всё верно: им сейчас шум от заржавшей бы от испуга лошади вовсе ни к чему!

Сам начальник уходит чуть вперёд, к вознице. Тот слезает с облучка, идёт навстречу. Слышен тихий разговор, голоса хриплые, словно собеседники простыли. Ага, вот и условный сигнал – снова мысленный. Поодиночке они с напарниками далеко обходят телегу, и подходят к ней сзади. И забирают имеющиеся там армейские ранцы – надо же! Предатель позаботился всё «договорённое» уже и упаковать: в стандартные же вещмешки! Десять мешков, плюс десять луков и десять полных колчанов – десять сразу отошедших прочь от телеги. Но менталист-акцептор его зрения и слуха ещё и оглядывается: в этот момент видит и передачу мешка: тот так тяжёл, что принимающий вынужден брать его обеими руками. Но вот...

Точно – в отсвете молнии мелькнуло и его лицо!

Ни огромная, явно накладная, борода, ни низко надвинутая шапка, ни изменённый голос теперь не обманывают лорда Дилени. А, оказывается, и не только его!

– Лорд Онаро! – возглас принадлежит лорду Борису.

Картинка мгновенно пропадает. Вместо неё слышится сердитый голос леди Евы:

– Милорд Борис! В следующий раз попрошу вас удержаться от комментариев! Вы сбили мне концентрацию! И всё

пропало. Чёрт! И теперь уж ничего не вернуть – наш «передающий» мёртв – в том числе и из-за моих стараний!

Возникшее напряжённое молчание прерывает сердитый возглас лорда Бориса:

– Прошу прощения миледи. Но... Мы ведь увидели главное!

– Ну и что?! Может, удалось бы увидеть и ещё что-нибудь? Например, как они незамеченными пробрались на территорию Тарсии. И как отходили. А теперь уж ничего не получится. Он мёртв.

– Вот уж я не расстроен его смертью. Главное-то мы узнали! Кто этот гад!

Лорд Дилени открыл глаза.

Словно вынырнул на поверхность! Только что он был в насквозь промокшем и чёрном лесу, а сейчас – снова в тусклом февральском дне, под огромной свинцово-серой, набухшей грядущим снегопадом, тучей, почти по колено в свежем снегу, и в жутком холоде. Про который он, пока был «там», даже забыл... Колдовство?

Нет. Он отлично понимает теперь, что ментальные способности – не проклятье, а, скорее, дар Божий. Позволяющий его обладателю видеть дальше. И знать больше.

Ничего такого, что не мог бы достичь, при надлежащей тренировке, и желании (Страстном!) любой человек. Любой. Только вот...

Не хотелось бы ему такой «тренировки». Какая была у ле-

ди Евы.

Да и вряд ли кому захотелось бы.

Но – к делу.

– Мы не сможем предъявить лорду Онаро никаких обвинений официально. Потому что этот мерзавец наверняка подстраховался – приготовил фальшивые накладные, запудрил мозги кладовщикам, и все эти причиндалы давно списаны...

– Ну и что, милорд Борис? – лорд Дилени пожал плечами, – Неужели эти мелочи помешают нам хорошенько ткнуть его кинжалом, – лорд Дилени, вновь забрав оружие у леди Евы, подкинул на ладони, заставив сделать пару оборотов этот самый кинжал, – под рёбра? Мы-то – доказательства получили?

– Получить-то мы получили... Да только можно ли признавать такие «доказательства» вот именно – официально... Ведь эти картины, которые уважаемая миледи нам... – смотри-ка, мелькнула мысль у лорда Дилени: наконец-то лорд Борис признал «заслуги» леди Евы! – Они – только для нас не оставляют сомнений! Вернее – всё-таки оставляют! Ночь, темнота, капюшон, плащ – видны были только глаза. Да и голос этот гад изменил. – лейтенант вздохнул, почесав и потерев ладонью шею. Лорд Дилени некстати подумал, что оно и верно: помыться им всем сейчас не помешало бы! Впрочем, лорда Бориса чесание навело совсем на другие мысли:

– Хотя, конечно, как вариант... Да, «ткнуть» – не пробле-

ма!

Но будет ли это честно?

В разговор вмешалась и леди Ева:

– Разумеется, ничего «честного» в решении в таком виде, как его предлагает лорд Дилени, нет. Однако! Как вы посмотрите на *такой* вариант: мы, по прибытии в Дробант, в казармы, подбираемся поближе к этому вашему лорду Оноро, и я показываю вам картины из уже *его* мозга? *Это* явится для вас достаточным основанием, и «убедительным» доказательством, чтоб казнить его, не мудрствуя лукаво, милорд совестливый лейтенант?

– Ну... Да, миледи. Явится.

– Отлично.

– Отлично-то оно отлично. Осталось только добраться до Дробанта. Но до этого нам придётся объехать стороной Эксельсиор, и проверить ситуацию в редутах – не успело ли его Величество подгрести под свой контроль и их контингент.

– Доберёмся до того места, откуда мне будет видно, только завтра. Пока – далеко даже для меня.

– Хорошо. – лорд Дилени говорил ровно и спокойно, – Тогда после ночёвки – выступаем как всегда. А лагерь разбиваем вон там, – он указал рукой на рощу, в которой до этого располагалась засада лейтенанта, – Там же копаем и могилу. Для этих. Да, вот ещё что. Лорд Борис. Просьба: милорду Айвену, да и вообще никому, ничего из того, что мы видели про грязную сделку – не говорить.

– Разумеется, милорд полковник!

– В таком случае – за дело. – лорд Дилени поднял руку, чтоб позвать личного вестового – лейтенанта Хьюстона, а когда тот подбежал, повторил распоряжения о лагере.

Леди Ева, когда лейтенант быстрым шагом удалился, вновь взглянула на уже начавший каменеть на морозе труп у своих ног:

– Нам повезло. Диверсантов у лорда Хлодгара больше нет.

А знаешь, почему?

– И почему же?

– Он посчитал что «нецелевое» использование Машины уж слишком... Жирно!

– То есть – их всех изготовили...

– Да. Тела. Ну, вернее – подправили. А вот мозг у них – семи-десятилетних детишек. Потому что другого материала у чёрного Властелина к тому моменту не осталось.

– Знаешь, что я тебе скажу?! – лорд Дилени почувствовал, как ненависть и дикая злоба буквально подступают к горлу, а кисти сами собой сжимаются в кулаки.

– Знаю, милый. Что мой бывший друг – редкостный гад и мерзавец. Мразь. Сволочь. Д...рью. Тварь. И п...рас. А других «культурных» слов у тебя в мозгу для описания ситуации нет – один мат. А я не матерюсь принципиально.

Чтоб не уподобляться моему «любимому» п...расу!

После того, как створки замаскированной двери закры-

лись, его Величество вновь опустил всё сгребённое в охапку имущество на пол. Каменный. Думал он при этом, что, вероятно то, как трясутся его колени, видно и новоиспечённому лейтенанту. И – даже несмотря на весьма тусклое после реакторного зала, освещение. Сказал:

– Думаю, дорогая, что дверь всё-таки открывается и отсюда.

– Хочешь попробовать, любимый? – О! Знает он этот «лучисто-ясный» взор! После него леди Рашель обычно говорит язвительные гадости. И отказывает. В том, чего ему от неё обычно надо... Разозлилась, стало быть, его «ласточка» не на шутку. Хотя бы на тот факт, что с ней спорят. Его Величество дёрнули щекой: нельзя вот так, сходу, показывать их спутнику, что мнение короля считается куда ниже по статусу, чем мнение его любовницы. Явно мнящей себя гораздо разумней. И пусть это и так, но демонстрировать...

Его Величество изволили потупить, кусая губы, и матерясь про себя.

«Дорогая» продолжала буравить его ясным лучистым взором. Бормолини только и переводил взгляд с одного на другого. Но предусмотрительно помалкивал. Наконец сир Ватель буркнул, обращаясь к подданному:

– Лейтенант! Разложите-ка всё то, что мы решили захватить с собой – вот здесь. Будет справедливо, если мы с вами понесём самое тяжёлое, а леди Маргарет будет выполнять роль разведчика. Указывая путь.

– Путь указывать смысла особого я не вижу. – поспешила внести ясность в ситуацию леди Маргарет, – Потому что он – один. Разве что вот за этой дверью, – она кивнула головой на стену, на которой сир Ватель не заметил ни единого признака этой самой двери, – отыщется ещё какой тоннель. Более, так сказать, перспективный. Никто не возражает, если я попробую ткнуть в эту кнопку?

Возражающих не нашлось, и леди Рашель действительно ткнула пальцем в кнопку, одиноко торчащую из одной из боковых стен.

Теперь зашипело и зажужжало и за этой стеной. В ней обозначился вертикальный разрез ещё одной двери, и вскоре открылась, тоже раздвинув две створки в стороны, и она. Однако за ней обнаружилась лишь маленькая, квадратная в плане каморка, два на два шага, освещённая столь же тусклой, как в тоннеле, матовой пластиной в потолке. Леди Маргарет всунула внутрь каморки голову, и внимательно осмотрела интерьер, и особенно – панель с кнопками на одной из стен, и сами створки. Хмыкнула:

– Чтоб мне провалиться. Лифт.

– Простите, что, миледи?

– Да лифт, говорю. Это, лейтенант, такое устройство, которое может вошедшего в него человека опустить вниз. Или поднять вверх. Заменяет лестницы. Ну, вернее, это оно Предтечам их заменяло. Всё верно: не думаете же вы, в самом деле, что лорд Хлодгар спускался сюда, в подземелья,

пешком? Или – три ха-ха! – по верёвочной лестнице? А ещё, похоже, сир, вы правы. Должна извиниться. Раз есть лифт, привозивший хозяина замка сюда, створки дверей зала ректора должны открываться и с этой стороны. Не вижу только смысла пытаться сделать это. Или мы желаем нарваться на погоню?

– Нет, разумеется.

– Вот и славно. В таком случае – вперёд. В-смысле – прямо по коридору.

– Но ведь мы... – его Величество кивнул на застывшие створки двери.

– Нет, ваше Величество. Мы не воспользуемся. Да и куда нам ехать? Вниз наверняка бессмысленно – если там и есть какой лабиринт, мы попросту заблудимся. И можем на тот уровень, на котором находимся сейчас, вообще никогда не вернуться. А наверху, в коридорах и комнатах Эксельсиора, нас с распостёртыми объятями ждёт лорд Говард. И он непримянет снабдить нас подобающим, вежливым и надёжным... Конвоем.

Что-то дзинькнуло, и створки древнего устройства снова стали медленно сходиться. Леди Маргарет голову поспешила убрать. Вздохнула:

– Ладно. Разбирайте. Я понесу только вон тот мешок. С тёплой одеждой.

Мешок с тёплой одеждой оказался весьма объёмным, но

не тяжёлым. Хотя и очень неудобным для переноски. Так что им пришлось остановиться, и подождать, пока леди приспособит несколько ремней в качестве лямок – чтоб нести тук как рюкзак, за спиной.

Они медленно вначале, но потом несколько быстрее, походным, размеренным и экономным, шагом, удалялись от входной двери. Леди Маргарет обозначила цель их похода так: «Где-то же должен быть аварийный выход из этого коридора на поверхность?»

Но час проходил за часом, редкие плафоны над головой всё так же еле рассеивали мрачную полутьму коридора-тоннеля, так же и идущего строго прямо, не позволяя разглядеть, чем или где он кончается, и давая лишь возможность не задевать о стены и не спотыкаться – каменные ровные стены и каменный же пол вовсе не думали кончаться. Однако связку факелов, что нёс сейчас его Величество в числе прочего впопыхах собранного имущества и рациона, он бросать не собирался – мало ли!

Но часа через четыре спокойного и методичного шага именно он первым предложил сделать привал:

– Давайте отдохнём немного. И перекусим. А то у меня с утра маковой росинки во рту...

– Ну, тут ты преувеличиваешь, дорогой. Мы отменно отобедали. Если вспомнишь.

– А, верно. Мы пообедали, когда пришёл... – его Величество заткнулись, сообразив, что вовсе незачем их помощни-

ку знать о том, какую именно весть принёс генерал Жорес.

– Ладно, перекусить и правда не помешает. – остановившаяся леди Маргарет уже распаковывала сумки и рюкзаки с продуктами. – Только делить наш запас придётся мне.

Никто не возразил, и леди Маргарет действительно весьма быстро справилась с «дележом», разложив на три куска материи, заменявших им предполагаемый перевязочный материал, по небольшой, но строго одинаковой, кучке сушёного мяса, сухарей, и сухофруктов.

– Вода – только после того, как съедим!

Съели за десять минут. Воды леди Маргарет наливала лишь по два колпачка – из фляги на поясе новоявленного лейтенанта. Как она словоохотливо объяснила мужчинам:

– Чем быстрее мы выберемся отсюда, тем быстрее сможем напиться от души. А пока старайтесь просто – потеть поменьше.

Его Величество, оглянувшийся на объёмистый и не особенно лёгкий тук-рюкзак, который он на время трапезы положил на пол, и связку факелов, фыркнул:

– Спасибо за ценный совет! Но как прикажете, леди Рашель, не потеть, если ноша тяжела?

– Вот уж никто не мешал вам, сир, захватить сюда маленькую тележку! Или детскую коляску – чтоб не нести, а везти!

Его Величество совсем уж было открыл рот, чтоб высказать всё, что он думает про тупой и неуместный юмор, как леди Маргарет поспешила объяснить:

– Извините меня, ваше Величество. Это была шутка. Должна признаться: не слишком-то удачная. Обещаю больше не делать так.

Его Величество пооткрывало-позакрывало рот. Затем смилостивилось:

– Извинения приняты. Спасибо за попытку поднять нам настроение.

Новоявленный лейтенант за время их перепалки уже вполне привычно переводил взгляд с одного на другого, но что-либо сказать не пытался.

Из чего леди Рашель сделала далеко идущий вывод, что лейтенант-то у них – себе на уме.

И может создать им проблемы.

Нужно будет так и так избавиться от хитро...опого типа.

Но – не раньше, чем он исполнит своё предназначение!

Наутро для разнообразия проглянуло солнце. После четырёх-то месяцев муторной осенне-зимней хмары это было – словно возвращение вновь к жизни после длительной и изнуряющей болезни! Лорд Дилени чувствовал, как дурацкая, беспричинная, но радостная улыбка сама собой растягивает его обычно сжатый в суровую ниточку рот.

Леди Ева прокомментировала это так:

– Да нет – не дурацкая. Просто счастливая. Вероятно, от того, что теперь-то точно пойдёт на потепление.

– Да уж пора бы. Всё-таки март на дворе!

– Точно. Ну что – встаём?

– Да, дорогая. Пора завтракать, собирать лагерь, да отправляться.

К обеду добрались до того места, откуда леди Ева уже вполне чётко всё «видела».

Лорд Дилени, не без интереса наблюдавший, как она чуть привстаёт из седла, вертит головой то влево, то вправо, и хмурится, наконец не выдержал:

– Что? Всё так плохо?

– Нет! В том-то и дело! Никак не могу поверить, что всё как раз настолько хорошо!

– Да-а? И чего же там хорошего?

– Да всё. Поясняю: вижу внутри Эксельсиора всю (Ну, вернее, её большую часть!) вашу доблестную армию, а привёл её сюда лорд Говард, тоже находящийся сейчас там. С единственной целью: арестовать и передать для суда Конклаву ваше сбрендившее, и поведшее себя недостойно монарха, Величество. И его гнусную сообщницу. Однако как я вижу, сейчас милорд Главнокомандующий в гневе.

– И на что же это?

– Сиру Вателю и его сообщнице удалось ускользнуть, так сказать, из лап правосудия. И не просто – ускользнуть, а прихватить из запасников интендантства неплохой запас еды, тёплой одежды, и оружия.

И взяв с собой ещё и здоровенного носильщика для переноски всего этого.

– Но как же им...

– Через подземный ход. Лорду Говарду про него, кстати, сообщил не кто-нибудь, а сам лорд Юркисс. Прислал письмецо. Я это письмецо в его голове вижу. Показать?

– Ну... Покажи. – лорд Дилени закрыл глаза.

Ага: точно. Письмо. Если две фразы можно так назвать. И прислать такое лаконичное и конкретное послание и правда – мог только человек, детально знакомый с подземельями Эксельсиора вообще, и залом реактора в частности...

– Погоди-ка, солнце моё... Если лорд Говард знает путь, по которому скрылись беглецы – он же, наверное, уже снарядил погоню?

– Погоню-то он снарядил... Да вот только не продвинулись они дальше того же зала реактора!

– Как так?

– Да вот так уж. Они не смогли открыть эту самую дверь «аварийного выхода».

– Но ты... Ты-то – знаешь, как её открыть?

– Знаю, конечно. – она снова несколько раздражённо дёрнула плечом под шубой, – Одного только не могу понять: как до этого способа додумалась эта... С-сучка. Леди Маргарет.

– А что? Такой прямо хитрый способ?

– Нет. Способ как раз – простой. Но – не знать, так и не догадаешься. Там у лорда Хлодгара имеется лифт, в ангаре хранится скутер, есть и запас средств для пожаротушения... Ну и ещё всякие нужные мелочи для тех, кто любит поез-

дить, или поклоняться по Лабиринту. Так вот, возвращаясь к вопросу о ключе к двери: чтоб было понадёжней, Предтечи применили там Заклинание. – она выделила тоном это слово.

– Чего?

– Э-э, не бери в голову. Это была шутка. Просто там, у этой аварийной двери – голосовое управление. Нужно чётко и внятно сказать на межъязы: «Открыть дверь!»

Лорд Дилени ничего не сказал, но уже приучил правую руку к таким ситуациям: она не полезла чесать затылок.

Затем всё же не выдержал:

– Всего два вопроса, ласточка моя.

– Н-ну?

– Ха. Можно подумать, ты их и так не видишь.

– Вижу, конечно. Жду только, когда сформулируешь конкретней. Да, вот так. Отвечаю на первый. Вашего короля и леди Рашель я не вижу сейчас потому, что, как я уже говорила, земля экранирует. И пока они не выберутся из гигантской системы тоннелей на поверхность – они вне досягаемости для меня. Ну а на второй... Нет, никакого такого лорда Юркисса поблизости нет, (Вернее – уже нет. Он, хитро...опая скотина, уже отбыл в направлении столицы. Жаль. Вот в его-то мозгу я бы пошарила с удовольствием!) и нам придётся решать наши проблемы самостоятельно.

– Ладно, вернёмся тогда к этим самым проблемам. Значит, получается, мы можем сейчас ехать прямо к замку, и не бояться, что его Величество с помощью пехотинцев генера-

ла Жореса сделает нам какую-нибудь гадость?

– Точно. Тем более что бравый генерал сидит под домашним арестом. Обвинённый в пособничестве. Врагам Тарсии и её Величества. И, кстати – не без оснований.

– То есть?

– То есть – говоря простыми словами, это именно он дал возможность сиру Вателю и его любовнице собрать все эти вещи и продукты, и дать дёру!

Лорд Дилени покачал головой: надо же! Вот так, почти случайно, и выявляются в их Генералитете, в Штабе, да и вообще – в среде дворянства: и гнусный торгаш, готовый за золото продать интересы родной страны, и не менее гнусный пособник, давший ускользнуть преступникам-садистам.

– Не нужно возводить напраслину на лорда Жореса. – леди Ева кинула на него сердитый взгляд, – Как раз он – поступил так, как ему велела честь. И сердце. Просто он очень любит сира Вателя – возился и играл с ним фактически всё детство и отрочество его с...ного Величества. Потому что Господь не дал генералу своих детей. Вот и привязался...

И никто его не понимает так, как я!

– Ну почему же... – лорд Дилени уже свернул на дорогу, ведущую к Эксельсиору, – Я вполне в состоянии понять его чувства к маленькому сиру Вателю. И ностальгию. И горечь от сожаления, что из великолепного малыша с золотистыми кудряшками и обворожительной жизнерадостной улыбкой выросло мерзкое чудовище. Пытавшее с особой жесто-

костью – не пленников, и не симпатичных крестьянок даже, как тот же лорд Юркисс. А собственную жену. Подарившую ему и Государству наследников. И наследниц.

– Ты прав. Именно горечь и разочарование он, бедолага, теперь и испытывает там, у себя в комнатах. Боюсь, как бы его не хватил удар. От переживаний. Он сам-то по себе как человек – неплохой. Только уж больно упёртый. Хочет, чтоб во что бы то ни стало всё было сделано именно так, как *он* приказал. То есть – *правильно*. Себя же мнит чуть ли не светочем этой самой «правильности», чуть ли не единственным, кто на самом деле понимает как и что должно быть. И как и что нужно для этого делать. Это называется, насколько я понимаю – консерватор и волюнтарист.

– Ага, есть у милорда генерала такой момент. Ты очень чётко просекла и описала. Но меня сейчас интересует в первую очередь не это.

– А что?

Лорд Дилени развернулся к колонне всадников, неторопливым походным шагом двигавшимся за его Спокойным и конём леди Евы, и заорал во весь свой зычный голос:

– Внимание, по батальонам и ротам! Изменение в плане! Движемся прямо к замку Эксельсиор! Там уже находятся наши союзники. И размещаемся в замке на ночёвку!

После чего повернулся снова к леди Еве. Та усмехнулась:

– Это ты, конечно, правильно подумал. Но могу тебя заверить: там прекрасно разместится и твой так называемый

полк, и рота лорда Бориса. И при необходимости – и ещё пара полков. Если вспомнишь – у лорда Хлодгара в замке спокойно базировались десять тысяч тварей. И не только ящери-людей, а и самых разнообразных: негров, менталистов...

Расквартируемся запросто.

Доклад лорда Дилени лорд Говард выслушал сидя.

Правда, лорду Дилени и лорду Борису грех было жаловаться: они и сами сидели по обе стороны от Главнокомандующего, за походным столом для совещаний, в огромном и пустом сейчас зале Совета. Лорд Айвен тоже сидел здесь – рядом с лордом Борисом, но в докладе и последовавшем разговоре участия не принимал. А всё больше отмалчивался, лишь поворачивая голову от одного офицера к другому, да хмуря брови.

Возникшую после того, как лорд Дилени замолчал, паузу, нарушил лорд Говард: понимал, что именно его реакции на произошедшее и описанное все и ждут:

– Благодарю за службу, милорд полковник, милорд капитан и милорд лейтенант. Вы сделали всё, что было возможно в сложившейся ситуации. Особенно меня радует уничтожение непосредственной опасности нашим тылам и подразделениям в виде отряда диверсантов. Ну, и, разумеется, части «флота» нашего врага. И одной пятой динозавров.

И если «достать» лорда Хлодгара, и покончить с ним физически, не удалось – то не по вашей вине или нерастороп-

ности. А по вполне веским и объективным причинам. Ваше решение не пытаться добраться до остальных четырёх ферм динозавров, чтоб уничтожить и их, тоже считаю верным. Незачем зимой, в условиях, не подходящих для походов и маршей, без запаса продуктов и орудий, углубляться в неразведанную территорию врага. Находясь под непрерывной угрозой оказаться отрезанными, блокированными, или окружёнными, даже с такими отличными «разведанными», что предоставляла вам леди Ева.

Поэтому.

Сейчас проследите, чтоб вверенные вам подразделения удобно разместились здесь, в свободных комнатах замка, для полноценного отдыха. Я уже приказал кашеварам приготовить пищу и на ваших людей – как только дозорные донесли мне о том, что штандарты и знамёна ваших подразделений стало возможно разглядеть.

Далее. Вероятней всего через неделю, если не случится чего-либо экстраординарного, я уведу свои войска назад, и мы расквартируемся снова в редутах – дежурных вахтенных, поддерживающих в них нормальные условия, я уже об этом оповестил. Пехотные подразделения генерала Жореса я планирую отослать совсем назад – в казармы Дробанта. Замок, таким образом, снова окажется в полном вашем распоряжении. По-крайней мере – до весны.

Всё. Сопещение закончено. Вы свободны.

– Милорд Главнокомандующий... – лорд Дилени уже

встал, но решил всё-таки задержаться. А вдруг лорд Говард захочет-таки воспользоваться имеющимися у них благодаря «уникальной разведчице» сведениями? – Позвольте? Один вопрос.

– Да, милорд Дилени?

– Это правда, что вашим людям до сих пор не удалось открыть дверь, через которую скрылись его Величество и леди Рашель?

– Правда, милорд полковник. Мы пытаемся отпереть чёртову дверь вторые сутки, обшарили и ощупали всё, что можно вокруг неё... Хотя применять кувалды и ломы я пока запретил – сапёры и инженеры из вспомогательного сапёрного батальона всё ещё пытаются под руководством сержанта Вассермана отыскать скрытую панель или кнопку.

– Так вот, милорд: зря они их ищут!

– Почему – зря?

– Леди Ева сказала, как открывается эта дверь... – однако лорд Дилени поспешил прервать «драматическую» паузу под удивлённо-возмущённым взглядом лорда Главнокомандующего, и закончить фразу, – Голосовым управлением!

– Как вы сказали, полковник?

– Голосом, проще говоря. Ну, то есть – нужно просто встать перед проёмом, и сказать, чётко и внятно, как будто древнее заклинание: «Открыть дверь!»

Лорд Говард изволил погладить свои пышные седые усы. Хмыкнул:

– Интересно. И в данном случае – очень полезно. Моя благодарность леди Еве. Но в таком случае, эта информация меняет дело. Лорд Борис! Выделите взвод ваших лучших людей. Пусть возьмут на складе запас стрел, продуктов, на, скажем, неделю, воду, тёплую одежду, и вообще – всё, что вы посчитаете необходимым. Затем пусть поужинают. Горячей пищей, которая как раз к этому моменту стотовится. После чего прошу вас лично возглавить экспедицию в подземелья.

– Милорд Главнокомандующий.

– Да, полковник?

– Леди Ева обмолвилась, что на самом деле лабиринт подземных тоннелей весьма обширен. И запутан. Может, стоит увеличить число посланных на поиски?

– Справедливо. Лорд Борис! Возьмите с собой всю свою роту. И помните: сир Ватель нужен нам живым! А особенно живой нам нужна его грязная сообщница-интриганка! Чёртова ведьма, подменившая... или сбившая нашего любимого монарха с праведного пути!

Казавшийся бесконечным тоннель наконец привёл хоть куда-то: в небольшую квадратную комнату, из которой кроме пути вперёд отходило ещё два боковых хода-ответвления – вправо и влево. Концов что одного, что второго, разумеется, видно не было.

Его Величество выразил недоумение традиционно: почесал затылок. Леди Рашель удержавшая на языке язвительное

замечание о намечающейся в обновлённой шевелюре плечи, решила использовать развилку как повод перекусить и отдохнуть:

– Предлагаю поесть. И полежать: мои ноги уже гудят. Да и думается лучше на сытый желудок. И – лёжа.

Его Величество, тоже испытывавший раздражение от неопределённости и усталости, не стал возражать:

– По-моему, хорошая мысль. Лейтенант, рюкзак с нашими продуктами!

Пока они ели, запивая скудными порциями воды, снова лично наливаемыми леди Маргарет, ничего в окружающей их обстановке не изменилось. И смотреть вглубь трёх бесконечных коридоров с такими же тусклыми и редкими плафонами на потолке ничто не мешало. Полы тоже мягче не стали, и хотя леди Рашель и постелила себе свой «мягкий» тюк, в плане удобства это немного ей дало: полы оставались каменными и чертовски холодными! Она не удержалась, чтоб не поворчать:

– Чёртов чёрный Властелин. Не мог, что ли, сделать отопление в чёртовых тоннелях!

Его Величество, после еды задумчиво ковырявший ногтем в зубах, отозвался весьма легкомысленным тоном (Похоже, процесс переваривания пищи отвлек его от мрачных раздумий об их будущем):

– Ну так как бы он его здесь наладил? Ведь тут ни печей ни каминов не установишь! Закоптит все потолки! Да и угореть

можно...

Она взглянула на него с интересом. Подумала, действительно ли он такой идиот, или только умело прикидывается? Но сказала другое:

– Странно, что нам не попадалось никаких боковых ответвлений. А ведь они должны быть. Вероятно, впрочем, что они тоже открываются голосовым управлением.

– Но... Почему ты так думаешь, дорогая?

– Потому, что кто-то хитрый и вредный попытался скрыть места, где такие ответвления были. Сейчас здесь нигде нет никаких надписей, или поясняющих табличек. А ведь были: вон: я рассмотрела отверстия от винтов, что их крепили к стенам, и чуть более светлые места, там, где эти таблицы висели. – она указала рукой.

– Ох ты! А ведь верно! – его Величество вдаль теперь видел отлично, но всё равно чуть приподнялся с пола, посмотрев внимательней, – А сейчас, получается, в нашем распоряжении только эти три открытых пути-коридора. Но как же нам узнать, куда идти?

– Боюсь, никак. А вернее – только методом проб и ошибок. Ну и, конечно, логических рассуждений. В частности о том, что если мы по главному тоннелю удалялись, насколько я могу судить, на север, то есть – к запасному замку лорда Хлодгара, то тоннель направо – ведёт к побережью моря блестящих рыб, а тот, что налево – к кромке Энгаденской трясины. И если бы мне предложили выбирать – я двинулась

бы к трясине. Ведь на побережьи моря нет ни кустов, ни деревьев – только скалы. Не спрячешься. А прямо идти смысла не вижу. Мы же не хотим попасть из огня да в полымя? То есть – в лапы к лорду Хлодгару.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.